

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2009

Содержание

1. НАШ ОБЩИЙ ДРУГ
2. КАК РУШАТСЯ ИМПЕРИИ
3. УНИВЕРСИТЕТ И ВЛАСТЬ
4. НА ЗАВОЕВАНИЕ РОССИИ
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. СИБИРЬ — ОБЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
7. СЕТЕВОЙ РАЦИОНАЛИСТ
8. ОТКРЫТАЯ КНИГА ПУТИ
9. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
10. АННА РАДЗИВИЛЛ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Адам Поморский

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Скажите, говорят, какой-то гоголь умер?

Не гоголь, так себе, писатель-гоголек.

Осип Мандельштам

Очень сложно писать об этом известном, невероятно талантливом человеке, одаренность которого проявлялась (хотя и редко, но всегда) в двух литературных ипостасях: переводчика русской литературы и поэта-сатирика, — личности, с одной стороны, яркой, но зачастую и непонятной.

Характер у него был непростой, чувство юмора превосходное, а язык острый. Трудно было простить ему замечание, публично сделанное в Варшаве в адрес человека, имевшего перед обществом немалые заслуги: «Иногда ум уходит далеко от разума». Сложно было реагировать и на выраженное в московской печати авторитетное мнение о заждавшихся литературных новинках, нашумевших в начале перестройки: «Не стоит искать пульс в протезе».

И в Варшаве, и в Москве он не переносил снобизм, которого сам был совершенно лишен; не было в нем и цинизма — еще одного проявления светского тщеславия. В дружбе он также не стремился соблюдать иерархичность человеческих отношений в обществе. В Борах Тухольских^[1] у него была половина крестьянской избы, которую он переделал в летний домик с двумя комнатами, и мне довелось быть свидетелем его общения с семьей приятеля, крестьянина из соседней деревни, пана Козака. Радостные крики троих или четверых детей, повисших на Федецком, его на редкость нежная сердечность по отношению к ним были полной противоположностью его поведению в Варшаве. С волнением и горечью он рассказывал позже о старшей дочери пана Козака, которую врачи и медсестры едва вытащили с того света, и из благодарности к ним девушка пошла учиться в один из лучших медицинских лицеев Быдгоща. Она выбрала узкопрофильную специальность и не смогла потом найти работу — как раз в тот момент наступил кризис в здравоохранении.

В Варшаве, заведя поэтической рубрикой журнала «Твурчость», лучшего в то время и вообще одного из самых

ярких в истории Польши литературных журналов, Федецкий на протяжении нескольких десятилетий умудрялся публиковать на его страницах стихотворения как выдающихся поэтов эпохи, так и авторов весьма заурядных, порой просто любителей, если видел в них искру таланта или ощущение действительности. Он покровительствовал дебютантам и чудакам и опекал их (правда, среди них и ставившего первые шаги на поэтическом поприще Эдварда Стахуру^[2]), но мог и пугать жесткостью своих оценок. Делая подборку стихотворений для печати, он зачастую руководствовался теми же принципами, что и при выборе друзей: и в этом случае он не считался с модой, ролью и положением, а его вкус не всегда совпадал с общественным. Правда, бывало, что и совпадал — например, по отношению к творчеству Виславы Шимборской. Он упрекал поэтессу только в том, что та в своей Нобелевской лекции якобы неоправданно принизила роль поэзии, вместо того чтобы подчеркнуть ее интеллектуальную и художественную значимость для сопротивления власти тьмы.

Его суждения о литературе порой бывали крайне резкими, мнение об общественных деятелях — весьма предвзятым. (Например, он никогда не простил Владиславу Копалинскому^[3] того, что тот, будучи главным редактором издательства «Читательник», после телефонного звонка Юлиана Тувима расторг договор на перевод «Горя от ума» с другим переводчиком и заключил с Тувимом. Своим тогдашним возмущением Федецкий мотивировал свой отказ — в 1952 г. — от должности заведующего русской редакцией этого издательства, где, во избежание сталинского бреда, он затеял «Золотую серию» русской классики в новых переводах.) В политических пристрастиях — иначе их и не назовешь — он не раз шел против течения. В своих левых взглядах, почти старомодных в силу присущих им рационализма и социального сострадания, он был неуступчив. Политическому снобизму, пустоте громких фраз он тоже не потворствовал. Общие идеи Федецкий считал атрибутом мещанина.

Но главное, он не был ни из Варшавы, ни из Москвы. Здесь он был необъясним.

«Сухая короньярская^[4] башка»: так окрестил некогда варшавянина Норвида Ивашкевич, уроженец Украины, главный редактор журнала «Творчество», писатель, к которому Земовит Федецкий относился с настоящим почтением — и при этом только Ивашкевича он мог иногда бесцеремонно называть «Ивахой». (Как правило, он не позволял себе фамильярности даже за глаза: когда после долгих лет знакомства я

пересказывал ему разговор, касавшийся в том числе и его, и, цитируя самого себя, произнес: «Федецкий говорит то-то и то-то», — он посмотрел на меня искоса и заметил, казалось бы, безразличным тоном: «Пан Федецкий».)

«Сухие коронарские башки», как правило, не понимали — потому что понять не могли, — того, что лежало в основе его личности: травматического переплетения еврейского, белорусского и русского вопросов. Между тем, именно эти мотивы постоянно всплывали в рассказах Земека. Он смотрел на мир сквозь призму не Царства Польского, а Великого княжества Литовского, родного Вильно и белорусской деревни, где он родился и пережил немецкую оккупацию.

Не в Варшаве, не в Галиции, а здесь формировались левые взгляды семьи. В них определенно прослеживается и давняя традиция виленского вольтерьянства, и не такая уж давняя традиция красных «червенцев», участников польско-белорусского восстания 1863 года. Традиция, отразившаяся в возгласе последней жертвы Муравьева-вешателя — Кастуся Калиновского, белорусского национального героя и предводителя восстания «в Литве», казненного на Лукишкской площади в Вильно. Когда ему зачитывали приговор, называя его шляхтичем, он крикнул по-белорусски: «В Белоруссии нет шляхты, мы все равны!»

Несмотря на весь масштаб катастрофических испытаний, и в Варшаве, и в Москве трагедию XX века нельзя вполне понять (поэтому, к сожалению, она повторяется в форме абсурдных идей) без осознания того, что драма 1863 г. — это идейный исток современности по меньшей мере четырех народов: в одно и то же время возникли различные и обособленные, но и нетрадиционные национализмы нового времени — белорусский, польский, русский и украинский. Это вызвало и нетрадиционного типа политические расколы на левых и правых, в том числе и внутренние расколы среди левых и правых.

С самого начала это, так сказать, смешение расколов, процессы, зараженные идеей этнических чисток и планового лишения другого народа его национального облика, несли в себе весь ужас будущего геноцида и тупиковых альтернатив двух тоталитарных систем XX века. Столкновение совершенно оправданных национальных чаяний и интересов, устремлений к независимости и суверенитету, общественной, политической, культурной свободе, свободе цивилизации и просвещения порождало катастрофические представления об

истории и о том, как человек и народ (по Джозефу Конраду) адаптируются к тотальному поражению.

Четкое осознание всего этого, данное Федецкому вместе с жизненным опытом, как это ни парадоксально, работало на авторитет двух его консервативно настроенных современников, противостоявших друг другу, но тоже являвших среди поляков редкий пример понимания ситуации: Ивашкевича и Гедройца. В последние десять лет своей жизни Ежи Гедройц вел с Земяком постоянную переписку и доверил ему установку надгробного креста на варшавской могиле Дмитрия Философова. Федецкий выполнил эту миссию, однако надгробье было лишь символическим: ужасно смущенный батюшка не сумел найти на Вольском православном кладбище могилу похороненного в 1940 г. выдающегося русского критика и публициста, избравшего Польшу своим вторым домом, в 1930-е годы гостеприимного хозяина варшавского салона «Домик в Коломне», завсегдатаями которого были будущие создатели «Культуры», а заодно и Ивашкевич.

Как уже было сказано, левые взгляды Земяковит Федецкий унаследовал от родителей. Его отец, Станислав Федецкий, работал в довоенном Вильно государственным инспектором труда. При социал-демократическом темпераменте это сделало его в тех Богом забытых краях защитником пролетариата в полном смысле слова. Мать, Марию — Праведника среди народов мира, героиню поэмы «Пани Федецкая» известного еврейского поэта из Вильно Абрахама Суцкевера, сравниваемую с Янушем Корчаком и Иреной Сендлер^[5], — лучше всего характеризуют слова свидетелей. Вот как писала о ней Эльжбета Грабская-Валлис, выдающийся историк искусства:

«Она выросла в интеллигентской среде (в Гродно), изучала медицину, но ее настоящей стихией и призванием (...) была моральная и материальная помощь людям, дискриминированным в социальном, экономическом и политическом плане. В Вильно, где она главным образом жила до 1945 г., это часто были люди левых взглядов, во время немецкой оккупации города — евреи, а в Лебеде (родной дом ее мужа неподалеку от Лиды) — бедствующее крестьянское (белорусское. — А.П.) население. (...) В памяти тех, кто знал ее в разное время, она осталась человеком большого мужества и нравственной чуткости, на каждом шагу замечавшим несправедливо обиженных людей. Ей были свойственны необычные, нонконформистские поступки (она не числилась членом никакой политической партии). Мария Федецкая всегда руководствовалась собственными убеждениями и немедленно

приходила на помощь нуждающимся. (...) Принимая в Вильно участие в репатриации 1945 г. ^[6], она старалась спасти польскую молодежь, которой угрожал арест и высылка в глубь СССР. После отъезда из Вильно она жила в основном на побережье Балтийского моря и здесь в 1947 г. вместе со Здиславом Грабским и Михалом Панкевичем основала Лигу борьбы с расизмом (Лига вскоре была запрещена властями по политическим соображениям), сплотившую вокруг себя небольшой круг польской интеллигенции, которая в антисемитских провокациях (...) и проявлениях национализма видела угрозу нравственному возрождению».

Мать была для него не только примером, но и проводником, помогавшим сыну преодолевать испытания в военном аду Виленщины, — а этот адский вид войны, которая для подобных людей никогда не заканчивается, была, как кажется, вневременным ориентиром его политических оценок и экстравагантностей. Первое взрослое воспоминание (ему тогда было шестнадцать лет) — это погром, «какого не помнил город Вильно», устроенный на глазах советских бойцов, еще охранявших правительственные здания, фашистскими вооруженными отрядами, форпостом регулярных литовских подразделений, входивших в город, который месяцем раньше был «навсегда» включен в состав СССР, а теперь «навсегда», то есть почти на год, передан Литве. Черной тенью кровавой расправы в Понарах, начатой в 1941 г. литовскими шаулисами под руководством немцев (сто тысяч убитых, из них 60–70 тыс. евреев, 20 тыс. поляков, схваченных, в частности, на основании картотек, оставшихся от НКВД, около 8 тыс. советских военнопленных), стал ночной визит обрызганного известкой товарища по гимназии, который выжил под горой трупов, выбрался из общей ямы и искал убежища в семье Федецких.

Этим моментом датируется возмужание — среди ужаса — участника и свидетеля, разделявшего со спасаемыми участь затравленного зверя: десятки преследуемых евреев побывали в родительском доме, вместе с Земяком рос в семье еврейский ребенок, было известно о невероятных масштабах преступлений в Понарах, Василишках и других местах, и всё это на фоне постоянного страха — перед гестапо, доносом соседей, охотящимися польскими или литовскими гиенами. В памяти самым страшным остался не образ немцев (они не различали евреев по лицам), а образ своих, местных, независимо от национальности.

Деятельность сети, организованной Марией Федецкой совместно с настоятельницей католического монастыря

урсулинок и узким кругом доверенных светских и духовных лиц, была направлена, в частности, на переправку евреев из Вильно за Лиду — в Белоруссию, которой управлял гауляйтер Кубе, нацист, однако не антисемит. Несомненно, отсутствие предателей среди белорусов не было следствием национального характера — просто-напросто здесь немцы не платили за доносы. В Белоруссии и евреи не платили собственной жизнью за рьяное усердие виленских (прости, Господи)

«комсомольцев» в 1939–1941 гг.: Федецкий описывал, как выглядели эти фанатичные провожатые групп НКВД, отправлявших поляков в тюрьмы или на высылку. По дороге в Лиду угрозой для евреев представляли партизаны всякой масти и национальности. Но и здесь, кроме тех, кого загнали в лес «мальчики от Берии», то есть заброшенные сюда советские гэбэшники, белорусов с территории довоенной Речи Посполитой почти не было: «Какие партизаны, — всплескивал руками Земек, — какой крестьянин пойдет защищать колхозы?»

Впрочем, в иерархии выживания этот крестьянин стоял не намного выше его. Лишенные национального белорусского образования в довоенной Речи Посполитой (Федецкий жутко возмущался, рассказывая о десятках заявлений с просьбой открыть школы, поданных белорусскими общественными организациями польским властям: за двадцать лет между войнами лишь на две просьбы был получен положительный ответ); ставшие жертвами русификации и советской политики физического истребления (позднейшее известие о двухсоттысячном захоронении расстрелянных в Куропатах под Минском не было для Федецкого новостью: о масштабе преступлений и преднамеренном истреблении национальной интеллигенции было известно в семье, которая раньше общалась с такими жертвами, как Бронислав Тарашкевич или Янка Купала); терроризируемые во время войны лесными бригадами — белорусы вкусили свободы в области образования, языка, культуры во время немецкой оккупации, в рамках предоставленного им неполного самоуправления под национальным флагом. Интересно, что Земовит Федецкий, сам внук униата, польско-белорусский «червенец» на варшавской и московской улице, всегда это подчеркивал, доброжелательно выражаясь о деятелях белорусской эфемериды. В начале 90-х годов он восторженно встретил появление книги профессора Туронека о Белоруссии времен немецкой оккупации, где впервые в Польше была представлена такая картина. И еще одно: никогда никто так горячо, как этот виленский левый, в моем присутствии не хвалил и не уговаривал прочитать книги неистового антикоммуниста и консерватора Юзефа

Мацкевича. Роман «Не надо говорить вслух» пан Земек воспринимал как репортаж о собственной жизни: он ручался за достоверность каждого факта.

А уж он-то повидал достаточно: чтобы уберечь сына от прямой угрозы, мать отправила его в деревню. Крепко подружившись с местными крестьянами, он дождался в Феликсове конца немецкой оккупации. После войны деревня вместе со всем населением оказалась на территории СССР. Полвека спустя Федецкий, выпускник музыкальной школы, издал сборник белорусских песен, которые там записал. Он приехал в лукашенковскую Белоруссию, в ту самую деревню, и был принят тепло и сердечно, но с ужасом констатировал, что те самые люди, у которых он когда-то записывал песни, уже не могут спеть их по-белорусски — русификация зашла слишком далеко.

Он вынес из этой домотканой белорусской нужды военных лет легкость в контактах с простонародьем и страсть всё собирать, равную инстинкту самосохранения. Первое свойство замечательно раскрывается в рассказе об игре в очко в полууголовной компании попутчиков в советском поезде сразу после войны: когда он в последний момент спохватился, что уже приехал, и выскочил на перрон, партнеры по игре, руководствуясь карточным кодексом чести, выбросили ему через окно немалый выигрыш. Любовь к собирательству иллюстрируют его походы с Ежи Помяновским на варшавский стадион, превратившийся в 1990-е в международный рынок. Как-то он и меня уговорил пойти с ним на такую экскурсию: в то время как будущий редактор «Новой Польши» умело смущал русских торговков, желая купить оренбургский платок, Земек нырял в толпу, чтобы триумфально вынырнуть из нее с безотказной поздне-советской кофеваркой.

Но ад молодости шел за ним по пятам — он навязывал слишком крайние критерии и оценки.

Я помню, с какой самокритичной серьезностью он признался, что никогда раньше не задумывался над темой двух известных, гипнотически обворожительных по форме, стихотворений любимых поэтов: Мирона Бялошевского и Бориса Пастернака. В разговоре со мной он признал мою правоту, и во «Вьюге» Пастернака («Все в крестиках двери, как в Варфоломееву ночь...») увидел отзвук еврейских погромов в декабре 1905 г., а «Волковысской ночи единственное число» Бялошевского вдруг предстало перед ним единственной в польской поэзии

скорбной элегией в память об украинских жертвах операции «Висла»^[7] и осиротелости «единственного числа».

Он не захотел простить Солженицыну того, что тот якобы отрицал (как и пристало русскому националисту) национальное и языковое своеобразие белорусов и украинцев. То же самое он не намерен был прощать и полякам, «истинным полякам-католикам»: с недоверием белоруса он сравнивал первую «Солидарность» с ОНР^[8]. (Четверть века спустя он холодно одобрил мое заверение, что я по-прежнему с ним не согласен, но удивляюсь его проницательности.) Он постоянно возвращался к довоенной антисемитской публицистике будущего кардинала Вышинского и будущего святого Максимилиана Кольбе^[9]. С другой стороны, не простил он и французскому режиссеру Клоду Ланцману фильм «Шоа» о Катастрофе: он настаивал на образе поляков как праведников, спасавших евреев (как его семья) и не принимавших участия в их гибели. Он не простил Ватикану связи с хорватскими убийцами из фашистской организации усташей Анте Павелича; не простил сербским сталинистам, сбежавшим от Тито после 1948 г., в частности в Польшу; не простил литовским «шаулисам», не простил французским коллаборационистам: вот откуда в переводческой деятельности этого страстного любителя детективов взялся перевод французского «Коллабосонг» Жана Матюрена. Иногда он забежал вглубь истории: я был свидетелем того, как в 80-е годы он напрасно пытался уговорить ничего не понимавших редакторш как можно быстрее издать великолепную этнологическую монографию Жана Делюмо «Страх в Европе». В итоге перевод вышел в другом издательстве без участия Федецкого.

Сам он, хотя и придерживался левых взглядов, никогда не смирился с левым тоталитаризмом. Слишком много он видел и знал, чтобы смолodu заразиться сталинской инфекцией, сразившей не одного из его ровесников. Поэтому позже, заботясь о трезвости суждений, он не любил приукрашивать в адские тона эпоху современного «страха в Европе». К героям «Краткого курса истории ВКПб» он относился с сословным презрением: и Ленина, и Сталина считал полу- или даже четверть-интеллигентами, то есть худшим элементом общественного вырождения. Он не сомневался в геноцидной сущности сталинизма и всегда подчеркивал, что, по самым скромным оценкам, речь шла о 27 миллионах жертв. В гротескной версии систему характеризовали данные советской прессы о 40 тысячах японских шпионов, пойманных в одной только области по подозрению в кастрации колхозных быков. Попытки же наделить образ Сталина в антикоммунистической

литературе демоническими чертами доводили Федецкого до бешенства; речь шла не просто о банальности массовых преступлений (хотя он вспоминал о знаменитом портрете Эйхмана, данным Ханной Арендт), а о том, что не стоит в обретшем власть Смердякове усматривать даже демоническое величие. (Похожее отношение у него было и к незабвенным представителям местной польской мутации лидеров — мемуары Гомулки он предлагал называть: «Я был Гомулкой».) В апогей польского сталинизма, в период войны в Корее, он во время отдыха с Галчинским на Мазурах напевал на мелодию советского гимна Щедринскую историю города Глупова.

В 1990 г. он с такой же жестокой радостью переводил с французского стилизованную под песенку нищего «Биографию» писателя и графика Роланда Топора, мастера иронического ужаса. Была это отчасти и его собственная биография: «Tuz przed wojna swiat ujrzałem / W szpitaliku nad kanałem / Byłaby to mila chwila / Gdybym nie musiał dac dyla / Gnaly za mna SS-syny / I nasze krajowe gliny / Od łapanki do łapanki / Francuz Niemiec dwa bratanki / Przedmiotem ich szczerzej troski / Był zwłaszcza problem żydowski (...) Po tej erze historycznej / Nabrałem odrazy panicznej / Do tłumu wodzów narodu / Mowy trawy Ciemnogrodu / Do świętojeblowej bzdziwy / I poetyckiej landryny / Do starych pierdół głupoty / I do bezmiaru ciasnoty / Do stalinowców buddystów / Muzulmanskich integrystów / Tych co nie uznają z góry / Ludzkiej zwierzęcej natury / Jak ich posłucha kto głupi / Jeszcze się gorzej upupi...» [10]

В подобном восприятии мира можно проследить известную еще со времен Просвещения проблему зла, которое оскорбляет разум. На вопрос *unde malum?* — откуда берется зло? — недостаточно ответить: от человека, и только от него. Дело не в натуралистической теодицее. Здесь важно противоядие: его мог создать только синтез ума и юмора, речь шла об остроумии в этимологическом смысле, о нравственном содержании художественного совершенства — в литературе, поэзии, театре, искусстве. Это противоядие Федецкий нашел дважды: сразу после войны и после 1956 года — в скрещении польско-русских связей, в общении с людьми и культурой обеих стран. Впервые он попал из Вильно в Москву в 1944 г., через Люблин, благодаря старым левым связям своих родителей. От этого короткого времени послевоенных мнимых свобод ему неслучайно запомнились два образа. Первый — поэтические вечера русских ровесников или чуть более старших дебютантов, вчерашних фронтовиков. Ему запомнился ставший позже известным нонконформистский абсурдист Николай Глазков, который открыто обращался к публике с рационалистическим

посланием: «Мы — умы. / Вы — увы!» Жест, с которым Глазков отгораживался от официозного советского декора, Федецкий повторял позже в собственном творчестве — как переводчик и сатирик: «Все говорят, что окна ТАСС / Моих стихов полезнее. / Полезен тоже унитаз, / Но это не поэзия».

Второй образ (среди прочих, более реальных) посредством гротеска отражал ужас, таящийся за этим decorum. Это образ жены председателя совета министров, недоброй славы Вячеслава Молотова: женщину доставляли на дипломатические рауты из тюрьмы (где она вместе с другими представительницами слабого пола кремлевской камарильи пребывала в качестве заложницы) — при всех регалиях, пахнущую французскими духами, одетую по парижской моде. Это воспоминание достойно будущего польского переводчика «Подпоручика Киже» Юрия Тынянова — Федецкий знал, чт? переводит.

Не знаю, в Вильно ли родилась его страсть к русской литературе, но так подсказывает его выбор и отрицание литературных традиций. Русскую классику в доялтинском Вильно знали и читали. Впрочем, оттуда вышли отличные польские переводчики послевоенных времен. Но читалось то, что когда-то считалось образцом в среде либеральной интеллигенции из провинции павшей империи. Именно это и была русская филологическая традиция Федецкого: Гоголь, Салтыков-Щедрин, Алексей Константинович Толстой, Лесков, Сухово-Кобылин, Чехов, Куприн — многих из них он издавал после войны, некоторых и переводил (например, Куприна). Он с уважением относился к Герцену, однако критерием правоты и интеллектуальной честности для него был прежде всего Белинский. Он внимательно следил за тем, что печатается в русских толстых журналах, обзор которых постоянно вел в «Творчости». В перестроечное время после прочтения «Новой московской философии» он признал своим ее автора Владимира Пьецуха, который так же преклонялся перед отцом — основателем русской критики.

Странное дело, в числе любимых писателей такого начитанного человека, уже с молодости разбиравшегося в иерархии русской литературы (за это его хвалил Пастернак; с уважением и признательностью вспоминал об этом спустя много лет идейный консерватор Павел Герц, подчеркивая хороший вкус, который позволил Федецкому после войны, во времена социалистического блэк-аута потихоньку привозить из России произведения настоящей литературы), почему-то не было петербургских модернистов.

В русской литературе он руководствовался московским вкусом, а не петербургским — это большая разница. Гротеск и абсурд привлекали его, так сказать, в употребительном виде рациональной сатиры (в моем присутствии он чуть не довел до апоплексического удара концептуалиста Дмитрия Пригова, именуя его сатириком), в форме пародии, шаржа, а не игры, шутки и несатирического комизма. Сатиру, к счастью, он понимал при этом широко, но всё равно это была реинтерпретация традиции. Хорошо, Гоголь, но парафразы Беранже авторства Василия Курочкина, кстати превосходные, убийственно пародийная «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» Алексея Толстого (вместе с польским переводом Тадеуша Монгирда, друга Федецкого из виленских краев) и баллада того же автора о камергере Деларю в переводе Ежи Помяновского, другого близкого друга, «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина — всё это оказывалось существеннее нелюбимого Достоевского. (Да, нелюбимого так же, как не любил его Станислав Цат-Мацкевич, брат Юзефа, очень уважаемый Земяком консервативный виленский писатель и публицист.) Чехов в качестве новеллиста-сатирика перевешивал Серебряный век.

Занятия по классике в сталинские годы (1944-1956) пригодились в период оттепели. В практике основанного в 1954 г. СТС (Студенческий театр сатириков), одним из авторов и основателей которого был Федецкий, пригодились и Курочкин, и Толстой — а смысл пародийных ассоциаций на сцене и в порожденных опытом театра «гражданских оперетках» был почти такой, как в московском театре на Таганке, в котором артисты к восторгу публики с волнением пели бессмертное тютчевское — «Умом Россию не понять» — на известный мотив песни Окуджавы «Всю ночь кричали петухи...» (переведенной на польский язык Федецким). Без работы над «Антологией поэтов-декабристов» (1952), может быть, и не было бы перевода «Старинной студенческой песни» того же Окуджавы. СТС, с которым сотрудничала и Агнешка Осецкая, способствовал этому польско-русскому песенному братству по оружию — из-под пера Федецкого вышли и другие переводы баллад и романсов: и тот, в котором «Надежды маленький оркестрик» в соответствии с польской логикой превратился в великолепный «Надежды любительский ансамбль», и рассказ о солдатах и короле, который по-польски восклицает, отправляясь на войну за мешок сладких пряников: «Плевать на прессу, и радио, и четыре стихии! Нас ждет виктория, и вообще, ребята, ура!». Автор приходил в восторг от этого «вообще» в польском переводе. К этим переводам добавим песни Новеллы Матвеевой и более поздний том «14 песен» Высоцкого с

потрясающим воплем аборигенов, которые съели Кука: «Bracia krajowcy! Jedzmy, nikt nie wo?a!» («Братья туземцы! За еду, никто не зовет!»). Этой гениально переиначенной цитатой из хрестоматийного сонета Мицкевича «Аккерманские степи» («Jed?my, nikt nie wo?a» — «Поехали, никто не зовет») Федецкий заменил ассоциацию из басни Крылова, но вместе с тем создал образец переводческой версии фразеологических цитат поздних русских цензоров.

Во вступлении к песням Высоцкого он сделал по существу очень важное признание, а заодно и дал рецепт польско-русского переводческого меланжа: переводчик Высоцкого должен сделать такой перевод, „который звучал бы как песня, написанная русским певцом по-польски для поляков. Иначе говоря, это должен быть текст, родственный «Зеленому шарик» и «Зеленой гусыне», сатире Тувима и Слонимского, текстам Минкевича и Карпинского, СТС и «Погребка под Баранами», «Кабаре пожилых господ» и Млынарского, включая «Ягеллонские Валы». И, главное, Александра Фредро. Однако этот список далеко не полон! А когда уже появится польский перевод, следует вспомнить о длинном списке выдающихся учителей и коллег Высоцкого, о традициях русского романса и русской сатирической песни, о частушках, об Олейникове и Хармсе, Вертинском, Окуджаве, Матвеевой и многих, многих других”.

Федецкий ратовал за кристально чистый польский язык в переводе, пропитанном чувством юмора, ради ясной передачи содержания, что сближало его, безусловно, с вышеназванными писателями, среди которых были его друзья, например Галчинский или Слонимский. В этой доктрине юмора и ума не было места странной сумбурности, «авангардыне мира», которая у него, как и у Слонимского, ассоциировалась с тоталитарным развращением языка. Не было здесь места и высмеянному Галчинским сталинскому ослу, который рычит: «Думаем и боремся уныло!» Смех сокрушал основы идеологии. Поэтому Федецкий, будучи младше на два поколения, так охотно поддакнул 75 летней Анне Ахматовой, которая перед поездкой в Оксфорд в 1965 г. для получения почетного звания доктора honoris causa оповестила о своем приезде в Варшаву ультраромантичной телеграммой: «Ждите меня в тени вокзала». Прогуливаясь с ним по темному перрону, она с внезапным кокетством спросила: «Говорят, китайцы обвинили меня в эротизме. Вы думаете, они правы?» И осталась довольна немедленным ответом: «Конечно!»

В переводческом творчестве Федецкого главным было качество, а не количество. Список переводов вызывает уважение своим высоким уровнем: кроме вышеназванных, в него входят «Театральный роман» Булгакова, рассказы Бабеля, «Святой колодец» Катаева, «Будь здоров, школяр!» — первая повесть Окуджавы, три важных романа Трифонова: «Предварительные итоги», «Долгое прощание» и тяжело пережитый Федецким, в силу ассоциаций с воспоминаниями бывшего студента профессора Гурвича, «Дом на набережной». (Обличительный исторический роман Трифонова о террористах-народовольцах «Нетерпение» Федецкий с энтузиазмом рецензировал в «Творчости»). Кроме того, была еще военная хроника в записях Веры Инбер о ленинградской блокаде и подборка из фронтовых дневников Эфенди Капиева, ранние повести Василия Аксенова, Тендрякова, рассказы Петрушевской, парафразы и инсценировки pure-nonsense Музы Павловой и драматургии Виктора Славкина.

Федецкий был соавтором перевода двух великолепных гротескных пьес великих русских писателей межвоенного периода: «Елизаветы Бам» Хармса и «Шарманки» Платонова. Это он привез в Варшаву машинопись пьесы Хармса с собственноручными пометами автора. Ему одолжил ее Николай Харджиев, текстолог и коллекционер, хранитель наследия великих поэтов и художников. Эти двое, Харджиев и Федецкий, были похожи и по характеру, и по темпераменту; позже я читал фрагмент одного из предсмертных писем Харджиева, в старости почти ослепшего и оглохшего. Помимо недовольства навязчивостью современников, там есть предложение о всё чаще возвращающемся во сне (в 1990 е!) самом близком друге — Данииле Хармсе.

«Елизавета Бам» в переводе Земовита Федецкого и Виктора Ворошильского впервые в мире была издана и с успехом поставлена в польском театре в 1966 году. Эмоциональная привязанность Федецкого к этой пьесе была необычайной: в ее тексте он находил отражение собственных чувств, испытанных однажды ночью во время войны, когда он был уверен (к счастью, ошибочно) в аресте и гибели, услышав стук в дверь родного дома. Быть соавтором перевода «Шарманки» Платонова, напечатанной в журнале «Диалог», он уговорил нижеподписавшегося. Сам процесс работы над переводом напоминал диалог в кабаре, когда мы на слух проверяли отдельные абсурдные реплики. Помню рождение фразы, которое могло произойти, пожалуй, только в три часа ночи в маленькой кухне варшавской многоэтажки. Некие оружейные пышечки из вздора, который несет в оригинале пародийный

иностранец, Федецкий в первый момент прочитал как пушечки и обеспокоился, когда я обратил на это его внимание. Он стал рассуждать вслух, подбирая соответствующее оружие к кондитерской отрасли: пушки, пушечки, гаубицы, штуцеры, двустволки... Есть! Двустволки с кремом! (Название пирожного, трубочки с кремом, — *rukka z kremem*; двустволка — *dwururka*). Я остановился на этом варианте при условии, что это будут обязательно нарезные двустволки с Кремлем внутри. Так и осталось. Мой соавтор по переводу был этим так восхищен, что, вернувшись домой, тут же рассказал жене о «цехе по производству нарезных двустволок с Кремлем».

Именно Федецкий открыл полякам обэриутов. Хармса и Олейникова он стал переводить в конце 1950 х, позже к ним добавился Введенский. Он стал основным переводчиком и издателем Николая Заболоцкого. Переводы Федецкого таких стихотворений, как «Футбол», «Движение», «Меркнут знаки Зодиака...» из гениального сборника «Столбцы», по праву можно считать образцовыми. Делом всей жизни Земека, плодом 18 лет работы, стал перевод поэмы «Торжество земледелия». Он издавал этот перевод несколько раз в редактируемых им же сборниках избранных стихотворений Заболоцкого — в первый раз целиком, без цензуры, в начале 70 х в типографии варшавской Академии художеств под видом дипломной работы по специальности «оформление книги».

Как обычно, он усматривал в этой поэме оруэлловскую «сатиру» на сталинскую коллективизацию. Трудности в переводе вызывала стилистика гротескного подражания тому, что в России с XVIII века называют «одой»: барочное соединение «высокого штиля» с низким в торжественной поэтической рапее. Высокий стиль в русской традиции опирается на использование церковнославянских оборотов, что почти невозможно передать по-польски. Открытием Федецкого и в этом случае стало правило замещения: он случайно пришел к выводу, что в оригинале фраза, брошенная кулаку: «Земля, нуждаясь в крепкой соли, кричит ему: „Кулак, доколе?“» — это церковно-славянская калька реплики из известной речи Цицерона: «*Quo usque, Catilina...*» В польском переводе привычная полякам латынь дала ошеломительный эффект: «*Ziemia, saletry pragn?c smaku, / „Quo usque — wo?a do? — ku? aku?!“*»

На возвращение и в России, и в Польше поэтического юмора, выдержанного в подобной стилистике, он надеялся долгие годы. В 80 е годы он с восхищением цитировал строчку Юрия Кублановского, поэта совершенно другого толка: «А дева, не

чинясь, попросит папиросу»... Он с радостью печатал в «Творчости» стихи русских поэтов той культуры, что до недавнего времени была неофициальной, в переводе Ежи Чеха.

Мерилом поэтической формы было для Федецкого творчество двух великих поэтов, с которыми его связывала дружба, если только этим словом можно выразить столь «асимметричные» отношения. К Галчинскому и Пастернаку он питал ученическое почтение и восхищение. Обоим помог в трудные годы. Галчинскому после второго инфаркта, после нападков сталинистской критики с официальной трибуны, что лишило его возможности заработка, Федецкий открыл в 1950 г. полубезлюдные еще Мазуры. Он уже хорошо знал этот край — познакомился с ним после своего возвращения из Москвы в 1948 году. Мазуры — до недавних пор немецкая Восточная Пруссия, ялтинским решением отданная Польше, притягивала в послевоенные годы людей родом с Виленщины и из Белоруссии — близостью их родимой стороне, похожестью моренного, лесного, озерного ландшафта. Поездки Галчинского в прославившуюся благодаря ему лесную сторожку Пране к знакомому Федецкого лесничему Поповскому означали не только заново обретенное здоровье, но и второе творческое рождение поэта. Там появились лучшие, прекраснейшие произведения последних лет жизни Галчинского. Обстоятельствам, в которых они создавались, сопутствовали подчас особые воспоминания. Однажды спозаранку поэт озадачил выходявшего на рыбалку Федецкого поспешным вопросом: «Что происходит с озером осенью?» После долгих раздумий в лодке испытываемый капитулировал: «Не знаю, разве что камыш начинает желтеть...» Галчинский был на седьмом небе — этот диалог увековечен в прямо-таки чосеровском вступлении к лирическому циклу «Ольштынская хроника»: «Желтое камыш на озерах, / Явственной каждый шорох...» (пер. Ю.Вронского).

Вместе с Галчинским Федецкий перевел «Вальс со слезой» Пастернака, звучащий подобной нотой повседневности, освященной ритуалом возвращения к жизни. Это единственное пастернаковское стихотворение, к которому, подкрепляя себя вдобавок авторитетом польского поэта, Федецкий осмелился прикоснуться. В дом Пастернака в 1945 г. Земовита Федецкого привел Ежи Помяновский, еще недавно навалоотбойщик в донбасской шахте — а тогда сотрудник «Полпресс» (позже — Польское агентство печати) в Москве.

Сердечный прием, оказанный двадцатидвухлетнему юноше в этом доме, обернулся дружбой в трудный для Пастернака час,

когда, годом позже, он подвергся травле, а в годы «борьбы с космополитами», в 1947–1948 гг., остался практически без средств. Федецкий, в то время пресс-атташе посольства коммунистической Польши, которое возглавлял бывший лагерник Зигмунт Модзелевский, сначала уговорил заплатить опальному поэту фиктивный гонорар — не кого-нибудь, а весьма влиятельного партийного деятеля Стефана Жулкевского, главного редактора еженедельника «Кузница»; а потом в течение восьми месяцев «выплачивал» очередные «гонорары», втайне от Пастернака делясь с ним пополам своей — приличной по тем временам — зарплатой. Позже Федецкий вспоминал жутковатую шуточку, которой позабавил Пастернака: «Я уж думал, что после оккупации покончил с помощью евреям, а тут — на тебе, опять полно работы».

А следующую сцену из его воспоминаний лучше описать его собственными словами. Поощренный ждановским докладом известный доносчик — библиофил и поклонник литературы Тарасенков — опубликовал в «Правде» смертоносный пасквиль, в котором открыто атаковал Пастернака.

„Вечером, не сговариваясь между собой, знакомые поэта собрались у него дома. Я тоже пришел. Пастернак был элегантен, одевался в английском стиле. Подали вино в зеленых бокалах, никто не упоминал о статье. В полночь раздался стук в двери — он мог означать арест. Все замерли. Пастернак оправил пиджак и пошел открывать. Автор пасквиля пересек порог и пал на колени со стоном: «Боря, прости меня!» Пастернак не принял этих извинений, только презрительно сказал: «Выпей лучше вина». Все вернулись к прерванному разговору. Тарасенков покрутился-покрутился и вышел”.

Снискав доверие Пастернака, Федецкий получил от него один из ранних вариантов рукописи романа «Доктор Живаго». Позднее, в воспоминаниях, он, к сожалению, путал дату этого события. Виктор Ворошильский с большим жаром убеждал автора этих слов, что он лично привез Федецкому отпечатанный на машинке роман только в 1956 году. Между тем сохранившиеся фрагменты переписки свидетельствуют, что существовал и более ранний вариант, который автор именовал «рукописью». В 1957 г. Земовит Федецкий вместе с Северином Полляком, выдающимся переводчиком-русистом, и Анджеем Ставаром, переводчиком, но прежде всего — замечательным критиком, довоенным троцкистом, пережившим сталинские годы в непрерывном ожидании ареста, создали ежеквартальный журнал «Опинье» («Мнения»), посвященный русской литературе. (В довершение «зла» рецензентом журнала стал

только что выпущенный из тюрьмы Владислав Сила-Новицкий, будущий знаменитый защитник на политических процессах польских диссидентов). Два номера журнала, которым удалось выйти в свет, содержали, помимо прочего, переводы Бабеля, Цветаевой, Мандельштама — и среди них несколько глав «Доктора Живаго» в переводе Марии Монгирд.

Это было первое в мире издание романа — еще до Фельтринелли. После смерти переводчицы договор на перевод книги с крупнейшим польским издательством успел заключить Северин Полляк, но после скандала вокруг «дела Пастернака» о публикации не было и речи. После советского вмешательства прекратили свое существование и «Мнения». «Старый мудрый пан Ставар», как называл его Федецкий, предупреждал: «Мнения! Какое мы имеем право на мнения!» Статья Кочетова в «Литературной газете» носила соответствующее название: «Чьи это мнения?» В советской прессе Федецкий прослыл «эксгуматором псевдолитературы».

Бедой поздних лет его жизни стало публичное обвинение Густава Герлинга-Грудзинского: якобы именно Федецкий, относившийся к роману критически, помешал тогда его изданию в Польше. В свете вышеизложенного это обвинение кажется несправедливым. Причиной его, скорее всего, является недоразумение и столкновение характеров. Однако переживания, вызванные этим упреком, омрачили невеселый период жизни, которая и так распалась на две почти равных половины.

Федецкий пережил две близких по времени волны еврейского геноцида: гитлеровскую и сталинскую. Об этих временах и событиях он вспоминал много и часто. Не пережил он — духовно — антисемитской травли в Польше 1968 года: не хватило сил на третий тур. Все его воспоминания обрывались на проклятом марте 68 го. Сорок лет после этого он жил, работал, писал — ничего не вспоминая, не сохраняя воспоминаний: как в конспирации. Входил в тяжбы, судился с сегодняшней действительностью, издевался над ней почти в духе «Четвертой прозы» Мандельштама — но функция памяти была выключена.

Очень сложно писать об этом человеке.

1. Боры Тухольские — крупнейший лесной массив в Польше, площадью около 1170 кв. км, расположен на севере Польши между Быдгощем и Костежиной.
2. Эдвард Стахура (1937—1979) — польский поэт, писатель и

певец.

3. Владислав Копалинский (1907—2007) — польский лексикограф, переводчик, издатель. См. «Новую Польшу», 2007, №1.
4. «Короньярская» — от Корона, т.е. бывшее Царство Польское.
5. Ирена Сендлер (1910—2008) — польская активистка движения сопротивления, спасшая в Варшаве от нацистов более двух с половиной тысяч еврейских детей. См. «Новую Польшу», 2007, №4; 2008, №6.
6. Между коммунистической Польшей и Советским Союзом 6 июня 1945 г. было заключено соглашение о «репатриации» поляков и польских евреев в Польшу. В отношении польского населения территорий, оставшихся в составе СССР, это было эвфемистическое определение этнической чистки.
7. Операция «Висла» (проведена в 1947—1950 польскими органами госбезопасности при содействии НКВД) — поголовное выселение украинского населения из юго-восточной Польши на север и запад страны под предлогом борьбы с партизанами УПА. Ныне официально осуждена властями Польши как этническая чистка и коммунистическое преступление.
8. ОНР (Национал-радикальный лагерь) — крайне правая партия второй половины 1930 х.
9. Св. Максимилиан Кольбе (1894—1941) — польский францисканец, миссионер и публицист; в освенцимском лагере добровольно пошел на смерть вместо 16 летнего заключенного.
10. В подстрочном переводе: «Прямо перед войной я родился / В больничке на берегу канала / Это было бы мило / Но надо было удирать / Гнались за мной СС сыны / И наши родные полицаи / От облавы до облавы / Француз и немец близнецы-братья / Особенно их заботил / Еврейский вопрос (...) После этой исторической эры / Я исполнился панического отвращения / К толпе вождей нации / К пустобрехству тьмутаракани / К ёблагочестивому пердежу / И к поэтическому леденцу / К тупости старперов / И к безмерной узости ума / К сталинцам буддистам / Мусульманским интегрислам / К тем, кто заведомо не признаёт / В человеке животной натуры / Если послушает их дурак / То еще больше одурет...».

КАК РУШАТСЯ ИМПЕРИИ

Отбросив определение Ленина, для которого империализм был экспортом капитала и стремлением к новому переделу мира, мы можем без всяких недоразумений говорить как о Римской империи, так и об Османской, а также о Французской, Британской или о царской и советской. Ленинское определение не относится ни к одной из них, зато подходит к США — единственной стране, которая вела имперскую, а сегодня гегемонистскую политику, сама по себе не будучи империей. С такими же парадоксами мы имеем сегодня дело и в Азии: Китай, по мнению Збигнева Бжезинского, представляет собой коммунистическое государство без коммунистической идеологии. Индия, эта «самая большая демократия в мире», по оценке Джона Кеннета Гэлбрайт, — самая крупная из функционирующих анархий. Лучше поискать определение империи у Фернана Броделя («Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.»). Империя означает супергосударство, которое полностью занимает всё пространство экономики. Характерной — и, можно бы сказать, генетической — чертой империи является ее «злокачественное» самопонуждение обязательно разрастаться, ее прожорливость, превосходящая пищеварительные возможности собственного организма. Экономика в империи задыхается, ибо должна подчиняться распоряжениям власти, которая видит в ней орудие политики, и поэтому, всячески защищаясь и сопротивляясь, она донимает и уничтожает имперское супергосударство, временами изнутри, а в каких-то других случаях — извне, при помощи войны. Силы тут неравные — экономика обладает невероятной стойкостью и энергией выживания. В результате империи всегда рушатся. История не приносит доказательств противоположного тезиса: что государство может продолжать существование, когда его экономика умерла. На развалинах империй возникают автократии, носящие ярко выраженный религиозный либо националистический характер, или же неуклюжие, беспомощные демократии. Всего лишь однажды на развалинах империи — царской — возродилась империя следующего поколения, советская, но и она снова рухнула.

На примере Британской империи проанализируем причины распада той конструкции, которая опутывала — будучи единственной такой в истории разнообразных империй — весь

мир, но перестала существовать, потому что стала слишком дорогой, то есть нерентабельной, не окупающейся. Кстати говоря, все империи, включая самые могущественные, начинали — каждая в свое время — подвергаться процессу истлевания, который невозможно было предотвратить, потому что это или не окупалось, или же нужных для этого финансовых средств попросту не было. Британская империя возникала в XVII–XVIII веках из потребности отыскивать источники, которые бы подпитывали и пополняли тогдашнее благосостояние англичан. В тот период их важнейшие конкуренты — португальцы, испанцы, голландцы — уже давно владели обширными колониями. Англичан интересовало, есть ли еще на свете какие-нибудь места, которые можно открыть, заселить, присоединить и экономически освоить. Они не экспортировали капитал, а импортировали разные виды сырья, в котором после промышленной революции XVII–XVIII вв. нуждались в огромных количествах. По схожим причинам образовалась и Голландская империя, так как нидерландская буржуазная революция, хотя и была в первую очередь национально-освободительным, антииспанским движением, произошла раньше английской. Испанцы, еще раньше властвовавшие на морях и океанах, искали золото и новые земли, на которых заодно можно было бы поселить в качестве колонистов нежелательных жителей метрополии (например, евреев). Каждая из этих империй добилась успеха, прежде чем оказалась низведенной до клочка обширной когда-то родины завоевателей, но только Британская империя охватывала весь земной шар. В ней никогда не заходило солнце. Испанцы перебили в Америке мужчин и оплодотворили их женщин. Англичане не смешивались с туземцами, поэтому далеко не каждый из обитателей Индии знал, что живет в британской колонии. Проблемой британцев была несобираемость налогов в Северной Америке от своих собственных земляков, выросших в новый континент. Страну, которая испытывает трудности с призывом новобранцев в армию и со сбором налогов, называют в Америке «almost-country» («почти-страной»). В анекдотической форме это можно описать следующим образом: на вокзале висит расписание поездов, и оно почти соблюдается. Англичане, осевшие в североамериканских колониях, выделили из своей среды касту либералов. Это были оборотистые предприниматели, жившие в городах на атлантическом побережье. Не всегда они занимались благочестивыми делами. Скажем, ввозили из Африки дешевую, рабскую рабочую силу и продавали чернокожих людей — машины фермерам, то есть консерваторам. Таким вот образом начали понемногу прорастать и развиваться партии демократов и республиканцев; кстати, аналогичный процесс

шел и в Латинской Америке, где об одних говорится «blancos» («белые»), а о вторых — «colorados» («цветные, красные»). Американские либералы всё провозили контрабандой, избегали контроля британской метрополии и начали бунтовать против ее власти. В середине XVIII в. на Британских островах наступило время неурожаев, которые продолжались несколько лет. Англия, до этого производившая продовольствие для себя и продававшая его в другие страны, внезапно стала импортером американских продуктов. Кризис сельского хозяйства стал причиной эмиграции англичан и массового исхода ирландцев. «Почему мы должны работать на этих дармоедов в Лондоне?» — спрашивали они. Этот вопрос стал одной из причин возникновения нового государства, которое оторвалось от метрополии, обрело самостоятельность и назвало себя Северо-Американскими Соединенными Штатами. Британцам осталась соседняя Канада — частично еще и французская (Квебек), — а также несколько островков в Карибском море, половина Африки, Индия от линии Дюрана в Афганистане до Бирмы, а еще так называемая Австралазия, в которой сама Австралия функционировала как уголовная колония. Функции этой колонии имеет смысл анализировать и сравнивать с другой уголовной колонией — Сибирью. В самом конце XVIII в., когда Ранджит Синг отменил в Индии смертную казнь, в Лондоне вынесли и привели в исполнение 260 смертных приговоров. В Австралию ссылали только более мелких преступников — потому что тех, кто покрупнее, лишали жизни на месте, — но их все-таки отправляли туда, и при этом им говорилось (именно так высказался в 1798 г. Фрэнсис Гроуз, второй по счету губернатор и управляющий этой колонией): «Это уголовная колония, но это ваша уголовная колония, и делайте тут, что хотите, а мы будем платить вам ромом, чтоб вы выродились. Если же вы не хотите рухнуть на этом солнце, то не хлещите его». Русские своим сибирским ссыльным — хотя это не всегда были преступники, были там люди предприимчивые, смелые, образованные, повстанцы или революционеры, — сказали нечто совсем другое: «Это уголовная колония, но это наша уголовная колония, и мы проследим, чтобы вы здесь все посдыхали, как собаки». Если бы русские позволили этим людям освоить Сибирь, то ссыльные построили бы там вторую Канаду раньше, чем возникла первая.

В середине XIX в. англичане по-прежнему были очень довольны собою. Единственной военной силой, которая могла им тогда угрожать, была французская армия и флот Наполеона III. Однако, заметив развитие Германии, то есть прежде всего ее научное и техническое развитие, которое Джордж Маколей Тревельян («Социальная история Англии») оценивает как

дальновидное, англичане занялись империализмом в своем понимании, что означало укрепление влияния Лондона в колониях и бывших колониях (североамериканских). «Империализм» в этом значении был более дружественным, полным уважения по отношению к Америке. Королева Виктория стала одновременно императрицей Индии, а это означало, что в колониях она носила — в протокольном смысле — более важный титул, чем у себя в стране. Перед лицом роста немецкого могущества роль Виктории была необычайно тонкой и деликатной, потому что она слабо говорила по-английски и дома предпочитала пользоваться немецким. Немецкому языку не хватило всего лишь одного голоса, чтобы получить перевес над английским, когда в Северной Америке устанавливали, какой из них будет официальным языком США. Легко себе представить, что происходило бы во времена I и II Мировых войн, если бы официальным языком США был немецкий. Но, несмотря на ухудшение экономического положения Англии при королеве Виктории, англичанам принадлежала треть мирового флота, а подданным Виктории по-прежнему хорошо жилось, хотя и не всем одинаково хорошо. С ее именем связывают практику, а порой и проклятия пуританства, хотя лично Виктории это не касалось. Исследователи колониальных земель и стран вроде прославленного миссионера Ливингстона или же генерала Гордона должны были отождествлять жизнь со служением Богу. Англичане определяли тогда империю («Британская энциклопедия», 1909) как государство больших размеров и с очень сложным этническим составом населения, которым управляет королева, монарх или император, из чего также вытекала будущая роль диктатуры (сталинской) в создании такой системы. Она могла быть федерацией, как Германская империя, унитарным государством, как Российская, или даже не очень сильно скрепленным и как бы разрозненным содружеством свободных государств, объединенных под одним скипетром, как Британская. Авторы из католических кругов, воодушевленные Откровением святого Иоанна Богослова, писали об ассирийских, персидских, македонских империях, но концепция империи, равно как и сам этот термин, восходит к Риму. Империи были тогда евроазиатскими и по характеру, и по природе. В современном ходовом языке империя — это диктатура, до тирании включительно, притесняющая как чужих, так и своих, тогда как в английском языке говорят о колониализме и федерализме.

Одно свойство объединяет все империи с древнейших времен до сегодняшнего дня — тот комплекс причин, которые вызывают их распад. Каждая империя неизменно заканчивала

свое существование, рушилась или медленно распадалась, и ни у какой из них не было шансов выжить и сохраниться. Империя — это слишком большое пространство, чтобы его можно было контролировать централизованно. Проблема сообщения между центром и остальными частями начинала процесс распада. Поначалу это были пути сообщения (а по существу отсутствие или нехватка дорог), что, кстати говоря, сохранилось в качестве доказательства в России, где дорог постоянно не было и нет. Морское сообщение решало далеко не всё. Оно могло соединять порты колоний с метрополией — и не более того. Железные дороги вязли в грязи, а их строительство, как в Амазонии, приводило к разорению целые государства (независимую Бразильскую империю, существовавшую в 1822–1889 гг.). Авиация с самого своего возникновения требовала аэродромов, самолетов, пилотов и всегда была очень дорогой. Телекоммуникация ускорила обмен информацией и способ передачи политических распоряжений, а также военных приказов, но ни телефон, ни Интернет не могут управлять вместо человека. В давних империях провинциями часто владели выдающиеся люди, которые становились самостоятельными и отрывали свои территории от метрополии. Поэтому британская идея федерализации того мира, который они открыли и покорили, безусловно продлила влияние метрополии и столицы Содружества, но не предотвратила освободительных, антиколониальных движений, — и после тех усилий, в которые обошлось Великобритании участие во II Мировой войне, у нее не хватило сил на дальнейшее управление половиной мира. Впрочем, всё более динамичное развитие технологии, методов производства, а также организации торговли сильно снижало потребность в безвольной рабочей силе, но зато создавало условия, в которых мог начать складываться и формироваться настоящий рабочий класс. Как известно из книг классиков, он имел «определенное» отношение к средствам производства, то есть, попросту говоря, не обладал средствами производства. А когда рабочий класс поверил, что является гегемоном, то разрушил, как это произошло в Польше, систему реального социализма. Однако сначала, во второй половине XIX столетия и в Америке, и в России должно было закончиться рабство. В Британской империи его никогда не существовало, разве что в колониях, которые оказались подчиненными престолу вместе со своими собственными, традиционно существовавшими где-то на задворках феодальными системами. Самые важные колонии Британской империи отрывались от нее силой, даже если это была сила без применения насилия, как в случае ахимсы (санскр. — непричинения вреда) Махатмы Ганди в его борьбе за свободу Индии. Бирма вела кровавый бой за

независимость. Половина африканских колоний пылала в огне. Но везде власть переходила в руки бойцов или политиков, получивших образование в Оксфорде, Кембридже или Лондоне. Только Канада, Новая Зеландия и Австралия обрели независимость без борьбы, то есть им ее предоставили, сохранив немножко для себя, доказательством чего служит первый тост, который поднимают на официальных приемах в последней из перечисленных стран: «За королеву Австралии». И везде в этих странах — после борьбы или без борьбы — до сегодняшнего дня продолжает жить английский язык, временами в качестве единственного, временами как один из многих официальных. И всюду в них строили демократию, опираясь на вестминстерские образцы, а армию — на британские уставы. Прошу обратить внимание на следующее обстоятельство: немало говорилось о русификации, германизации, даже полонизации (Литвы, Беларуси и Украины), но никогда не шла речь об «англизации» или «британизации». Этих слов в языке попросту нет, потому что не было и обозначаемых им явлений. В качестве термина для описания распада Британской империи «разложение» подходит больше, чем собственно «распад», хотя, принимая во внимание различное протекание этого процесса в зависимости от места, у нас возникает минутное колебание, какое же слово употребить. Очень трудной колонией была Палестина, ибо британцы делали все, чтобы не позволить евреям въезжать туда и поселяться. Ирак был трудной колонией, потому что англичанам с трудом удавалось помирить шиитов с суннитами и курдами. И он остается трудным государством до сегодняшнего дня. Ни бывшая Палестина, ни Ирак не вошли в Британское Содружество наций, хотя английский язык в Израиле сохранился как один из языков бизнеса и делопроизводства. Разделение Британской Индии — это резня индусов мусульманами, мусульман индусами, и более чем полстолетия ненависти между Пакистаном и Индией, которые сегодня стали ядерными державами, создавшими это оружие — хотя официально они говорят нечто иное — одно против другого. На Цейлоне идет неутихающая война тамиллов с сингалами, потому что англичане использовали тамильское меньшинство для управления сингальским большинством. В Бирме — кстати говоря, в чем-то похожей, ибо тоже буддийской, — правит военная диктатура. Афганистан, который англичане хотели завоевать со стороны Индии, постоянно охвачен пламенем. Хорошо, что Британская империя отказалась от этой страны, иначе англичан ждала бы там позднейшая судьба СССР. Малайзия опасно движется к исламскому фундаментализму; Сингапур и Маврикий — это, пожалуй, единственные более или менее спокойные из бывших

британских колоний в тех краях. Об Африке лучше не говорить. Но одновременно со всем этим как спокойные, так и беспокойные страны принадлежат к Британскому Содружеству, которое возглавляет английская королева. Всего в него входят 53 страны. России не удалось создать на развалинах СССР ничего похожего на эту форму единения: Содружеству Независимых Государств (СНГ) далеко до британского Commonwealth. Англичанам сегодня нечего колонизировать, разве что мы признаем таким процессом глобализацию, языком которой служит английский. Зато России есть что: Сибирь, от которой она отвернулась. Если она и дальше будет стоять к ней спиной, то ее освоят китайцы, причем уже скоро. Боюсь, что если российские политики постоянно будут жить своими прежними интересами на Западе и не заметят происходящего на Востоке, а особенно если они не отдадут себе отчета в том, что мир перемещается на берега Тихого океана, этого «Средиземного моря» XXI века, то им будет трудно принять тот факт, что мир снова становится двухполюсным, но уже без них. Ведь сегодня опять имеются всего лишь две сверхдержавы, располагающие как ядерным, так и экономическим оружием. Эти два государства — США и Китайская Народная Республика.

Кшиштоф Мрозович — публицист и дипломат, в 1996–2000 гг. был послом Польши в Индии, Шри-Ланке и Непале. После возвращения снова стал работать в еженедельнике «Политика» комментатором по вопросам международных отношений.

УНИВЕРСИТЕТ И ВЛАСТЬ

В прошлом году Иоанна Шиллер опубликовала обширную монографию, характеризующую российскую систему просвещения — прежде всего университеты — во второй половине XIX века, а также те изменения, которые проводились в ней в 1863–1917 годах. Несмотря на внушительные размеры этой публикации, трудно упрекнуть автора в том, что он чрезмерно раздул свой труд: книга сконструирована логично, наличие помещенных в ней приложений на языке оригинала полностью обосновано, а чтение ее не тягостно.

Как мы узнаём, работа эта выросла из намерения описать историю Императорского Варшавского университета, который пользовался у современных ему, а также более поздних историков далеко не лучшей репутацией. В ходе трудоемких поисков на родине и за рубежом, а также накопления колоссального количества источников Иоанна Шиллер пришла к более чем справедливому выводу, что невозможно сколько-нибудь объективно оценить роль, которую играл этот университет, а также его учебную программу, состав студентов и профессуры, если не провести предварительный анализ всей тогдашней системы просвещения в Российской империи, равно как и тех дискуссий, которые велись там на эту тему, предпринимавшихся мер воздействия и утверждавшихся уставов учебных заведений вкупе с программами обучения. Автор проделывает всё это необычайно скрупулезно, в тесной увязке с разнообразными аспектами ситуации в стране и на ее окраинах, а также с очередными этапами перемен: либерализацией или же ужесточением курса, который проводился тремя последовательно сменявшимися царями и всей кастой придворных сановников.

Имея дело с огромным количеством материала, автор сознаёт грозящую ему опасность растечься в разные стороны или погрязнуть в нем. Неспроста И.Шиллер подробнейшим образом обсуждает высказывание российского биолога и генетика Н.К.Кольцова, позднейшей жертвы борьбы с «буржуазной генетикой», который в 1909 г. отмечал, что диссертации тем отличались (уточним: и ныне отличаются) от настоящих научных работ, что, раздутые миллионом подробностей и обставленные бесчисленными выводами, были непонятны

специалистам, не поддавались прочтению и порождали одно только засорение научной литературы. Это не были подлинно исследовательские работы, а лишь писавшиеся «на степень», ничему не служившие томища. Далее Кольцов указывал, что сама их публичная защита иногда режиссировалась заранее, чтобы «проталкивать своих» с помощью галантных рецензий, либо наоборот — проваливать неудобных.

Обсуждаемая монография содержит как новые материалы и источники, так и свежий, логически изложенный и обоснованный взгляд на историю российских университетов в увязке со всей системой просвещения. В пяти главах, которые заканчиваются коротким подведением итогов и которым предпослано довольно объемистое вступление, читатель получает вдумчивый анализ «николаевского наследия», позиции самого Николая I и его министра просвещения С.С.Уварова, затем реформ царя-освободителя Александра II вместе с контрреформами его преемника Александра III, а также, наконец, положения при последнем из Романовых, Николае II, погруженном в семейную жизнь и мало интересовавшемся проблемами того государства, которым он должен был управлять, — царя, на чью долю выпало пережить две революции и скончаться мученической смертью. Ни одно из этих царствований не носило цельного характера. По сути дела каждый раз начинали со смелых проектов, чтобы затем отказываться от них. Даже от сравнительно либерального закона 1835 г. авторства Сергея Уварова постепенно отворачивались, чтобы в конечном итоге смогла восторжествовать крайняя реакция, когда, по мнению выдающегося историка С.М.Соловьева, просвещение перестало быть заслугой, а сделалось «преступлением».

Новую эру обещало восшествие на престол Александра II — просвещенного царя, который в памяти потомков остался как инициатор отмены крепостного права и еще ряда важных реформ, в первую очередь судебной и военной, а в памяти поляков — как решительный сторонник безжалостного подавления восстания 1863 года. Однако, как известно, отнюдь не это было предметом исследований автора. И.Шиллер занимали прежде всего шедшие тогда дискуссии, посвященные университетским проблемам: в какой очередности вступали в силу новые законы и что они меняли в характере учебного заведения, в его программах, обязанностях студентов и т.д. Рассмотрение этих дискуссий позволяет читателю ознакомиться с состоянием сознания как правящих верхов, так и заинтересованных лиц, то есть профессуры и преподавателей. Студентов как таковых в те времена во внимание не

принимали, самое большое — задумывались над тем, кто может быть допущен в число «студизусов».

В советских трактовках, когда прилагательное «либеральный» приобрело пейоративное звучание, а иногда — равно как и определение «буржуазный объективизм» — становилось самым настоящим ругательством, редко когда удавалось обойти цензурные рифы и спокойно описать историю реальной практики российского просвещения до 1917 г., взвешивая при этом без предубеждения ее положительные и отрицательные стороны. Иоанна Шиллер получила возможность (и сумела ее использовать) посвятить польского читателя (причем в максимальном согласии с действительностью, всплывавшей в результате рассмотрения доступных источников) в эволюцию российских высших учебных заведений, которые в каждую конкретную эпоху то добивались автономии, то теряли ее, то располагали собственными типографиями, публиковавшими научные работы без вмешательства цензуры, то утрачивали эту привилегию, то предоставляли ученым право самим формировать учебные программы и заполнять вакансии на кафедрах, то лишали их подобных возможностей.

Автор детально обсуждает два самых важных законодательных акта, касавшихся университетов: уставы 1863 и 1884 гг., — а также дискуссии по ним, которые продолжались вплоть до самой революции, равно как внесение дополнительных статей в эти уставы, введение «Временных правил» в периоды самых бурных общественных волнений и рассмотрение неосуществленных проектов.

Довольно много места посвящает Иоанна Шиллер массовому студенческому движению, то нараставшему, то убывавшему, которое она не отождествляет с параллельно протекавшим революционным движением от народников и до эсеров и социал-демократов. Отдельные студенты вполне могли участвовать в этих организациях и партиях, были среди них и сторонники террора, причем этот последний факт неизменно ужесточал политику государства по отношению к университетам и другим высшим учебным заведениям. Каждый очередной акт террора, начиная с Дмитрия Каракозова (4 апреля 1866) и Александра Соловьева (1879) вплоть до не прекращавшихся покушений на царских сановников и, наконец, убийства Александра II в 1881 г., давал противникам либерализации дополнительные аргументы в пользу репрессий. Это немедленно сказывалось на многих существенных вопросах, связанных с политикой по отношению к университетам, — в частности, на таких как

«процентная норма» для студентов-евреев, а также и поляков (их численность не должна была превышать 20%); допущение или недопущение женщин к учебе; размеры жалования преподавателей; взимаемая со студентов общая плата за обучение и оплата отдельных занятий; публичный характер или закрытость для посторонних защит диссертаций на соискание ученых степеней, и т.д., и т.п. Ни единого из упомянутых вопросов И.Шиллер не пропускает. Она считает — и трудно с ней не согласиться, — что несмотря на случившиеся поражения, «крупнейшим достижением бурного студенческого движения 1899–1902 гг. было то, что оно вынудило правительство приступить к дебатам над новой формой университетского законодательства». Отдельно обсуждается период революции 1905 г. и перемены, происходившие непосредственно во время и после нее.

Новую эпоху подлинной автономии университетов предвещало Временное правительство, ликвидируя в первую очередь ненавистный надзор инспекторов и попечителей всех мастей. «Это была последняя уступка, которую получили российские университеты перед началом октябрьской революции», — этими словами, предшествующими двухстраничному «Заключению», автор завершает свою монографию.

Книгу Иоанны Шиллер я рекомендовала бы в качестве обязательного чтения нашим министрам образования и науки, а также чиновникам, которые им подчиняются, чтобы разъяснить всем этим лицам, какой вред наносит усиление вмешательства государства в дела просвещения и образования всех ступеней, а особенно высших учебных заведений, точно так же как и в вопросы присвоения научных степеней и навязывания учебных программ. Из монографии вытекает, что единственная полезная вещь, какую они могут сделать для просвещения, — это увеличить его финансирование и усилить контроль за правильным расходованием выделенных средств, а также позаботиться о том, чтобы одаренные дети из бедных семей имели доступ к образованию благодаря развитой системе стипендий; все остальные дела — в том числе отбор и продвижение таких талантов — надлежит оставить квалифицированным специалистам, обладающим необходимым авторитетом. Книга показывает также, что идея посылать непокорных в казармы и обзывать их «образованцами» — отнюдь не средство успокоить горячие головы (а такие идеи рождались и в головах царских чиновников). Из этой хорошо документированной и умело написанной научной книги можно, помимо всего прочего,

почерпнуть немало знаний, относящихся к современности. И в поддержку такой «исторической политики» я бы высказалась без всяких оговорок.

Иоанна Шиллер. Universitas Rossika. Концепция российского университета. 1863–1917. Варшава, 2008. (Институт истории ПАН и Университет им кардинала Стефана Вышинского. Монография по истории просвещения. Т.XLI). 707 с. — На польск. яз.

НА ЗАВОЕВАНИЕ РОССИИ

Они зарабатывают от пяти тысяч евро и выше. Верхней границы нет. На самых высоких постах — даже до 55 тысяч в месяц. Автомобиль с водителем, горничная, кухарка, няня, фитнес для жены — таковы дополнительные блага, которые на польских менеджеров, работающих в России, уже не производят впечатления. Столько стоит битва за место на одном из самых трудных рынков мира.

«Первые две недели я задумывался, что я тут делаю. На второй день пребывания в России меня ограбила милиция. Я хотел посмотреть Красную площадь. Милиционеры задержали меня для проверки документов. Забрали бумажник. Потом отдали, но почти пустой. Я был прямо убит. Думал возвращаться», — говорит один польский менеджер. Анонимно. О своих поражениях, трудностях, минутах слабости они рассказывают очень неохотно. Точно так же, как и о заработках.

Почему? «Тут тоже действует принцип, что джентльмены о деньгах не говорят, они ими располагают», — говорит, улыбаясь, Мартин Ковальчик. 31 год. Холостяк. «Жена? Ей пришлось бы быть готовой к тому, что завтра она может оказаться вместе со мной в Китае, а послезавтра — в Америке. Но с перспективой возвращения в Польшу. Я не вижу иной возможности. Шесть лет назад я окончил варшавскую Главную торговую школу и почти немедленно попал в Россию с миссией... создать предприятие компании „Белла” — производителя гигиенических товаров и косметики». Во время разговора он все время улыбается. Доброжелательный, динамичный, находящийся в вечном движении. «Страшно не люблю дожидаться, например торчать в пробках. Мой рекорд проезда в здешний аэропорт — восемь часов пятнадцать минут», — жалуется он.

Наверное, отчасти и по этой причине фабрику он построил в Егорьевске. «101 километр от столицы, закупоренной пробками», — уточняет Ковальчик, генеральный директор. О фирме он рассказывает в типичной для сотрудников западных концернов корпоративной манере. «Это одна из лучших фирм нашего холдинга. Сердце нашего бизнеса в России. У нас побывал президент Квасневский».

«Мы имеем, мы достигли, мы являемся, мы будем, наша фирма...» — эти слова повторяются чаще всего. Никто ему не приказывал, не заставлял ехать в Россию. Он сам выбрал это направление — еще в 90-е годы. Тогда же начал учить русский язык. Для России это было очень мрачное время. Хаос, бедность, безработица, заправляющая на улицах организованная преступность. «В ту пору, когда в Польше все только и увлекались Западом, видя в нем идеал, я посчитал, что такой большой рынок нельзя игнорировать. Поэтому сразу же после окончания учебы стал искать такого предпринимателя, который даст мне возможность поехать в Россию».

ПЛОХИ ХОРОШЕГО ЗАЧАТКИ

Россию как место для ведения бизнеса выбрал и Мирослав Гжибовский (50 лет). Хотя его первые шаги были гораздо более трудными. После учебы он стал работать в одной из крупных (по тем временам) компьютерных фирм Тригорода (Гданьск — Гдыня — Сопот). Шел конец 80 х, когда начальник предложил ему совместную поездку в Ленинград на выставку, организованную в рамках польско-советских дней. Поехали. Возле стенда клубилась толпа. Все хотели покупать, но ни у кого не было денег.

«Цена была астрономическая. 80 тысяч рублей за компьютер, то есть столько же, сколько требовалось тогда заплатить за две „Лады“. Такими деньгами обладали только крупные фирмы. Но они могли покупать лишь за переводные рубли. Мы не очень-то знали, что это такое. И продали один компьютер за наличные». Эту первую сделку Мирослав Гжибовский прекрасно помнит. «Двое мужиков принесли в нашу гостиницу чемоданчик с деньгами и вышли с компьютером. Мне пришлось вместо них сидеть на месте и выяснять, каким образом торговать переводными рублями».

Как оказалось, для этого требовалось согласие центральных органов, ведавших внешней торговлей, и куча других разрешений. Без них российская валюта не обладала никакой ценностью. Но полгода борьбы с пээнэровской и советской бюрократией позволили Миреку хорошо изучить потенциал российского рынка. После перемен 1989 г. он начал ездить в Берлин. Там приобретал компьютеры, которые продавал русским за доллары. Техникой он снабжался в немецкой фирме «Софт-троник» — тогдашнем гиганте компьютерной отрасли. Каждый раз покупал 15–20 компьютеров. По истечении нескольких месяцев руководители «Софт-троника» посетили его офис в Ленинграде («невзрачная, ободранная клетушка») с

предложением сотрудничать. Он согласился и еще раз бросил вызов российской бюрократии.

«У нас были огромные проблемы с наймом помещения, — вспоминает Мирослав Гжибовский. — Мэр [в то время — Собчак] потребовал миллион долларов в год. Приехало начальство из Берлина. Мы пошли с мэром в традиционную русскую баню. В конце концов остановились на 25 тысячах в год, компьютерной сети для городской администрации и... двух компьютеров для мэра. Это далеко не единственная взятка, которую я вынужден был вручить. Очередная проблема возникла при регистрации фирмы. После этого уже можно было бы вести хозяйственную деятельность. Но в Ленинграде еще не существовало ни единой „западной“ фирмы. Никто не знал, как должны выглядеть правила исполнительной власти и само согласие на подобную деятельность. Мэр посоветовал мне поручить подготовку необходимых документов одной юридической канцелярии. Так я и сделал. Это обошлось нам в тысячу долларов. Канцелярией заведовала жена мэра. Мы получили разрешение №2. То, которое носило №1, попало в сейф как образец. Наше разрешение подписал Владимир Путин, в то время чиновник мэрии [председатель комитета по внешним связям]», — говорит Мирек, показывая документ.

ФИРМА УЧРЕЖДАЕТСЯ С ХОДУ

Таких воспоминаний нет у Яна Малицкого — президента российского отделения холдинга «Хагер». Доброжелательный, улыбчивый менеджер, полный оптимизма. В Россию с миссией учредить представительство он приехал в 2004 году. Но и раньше занимался этим рынком, а потому знал, что регистрацию компании и все формальности лучше поручить внешней консалтинговой фирме. «Если я взялся бы делать это сам, мне пришлось бы записаться в очередь, выкупить место и кочевать целую неделю перед соответствующим учреждением», — объясняет Ян свое довольно дорогое решение. Но Россия меняется. Три года назад власти упростили инструкции. «Теперь, если у тебя есть хорошо подготовленные документы, всё решается в одном месте — в налоговом департаменте, причем с ходу, немедленно. Там 120 окошек и четкая электронная система нумерации и распределения посетителей. Мало того, — это учреждение работает с 8 утра до 10 вечера. Это превосходная организация, с этой точки зрения наверняка лучше, чем в Польше. Лучше выглядит там и система налогообложения. Платится всего лишь один 13 процентный подоходный налог. Остальные формальности улаживает предприниматель», — подчеркивает Малицкий.

ПОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

За несколько последних лет «за деньгами» в Россию выехали, по разным оценкам, от 15 до 30 тысяч поляков. Почти все они занимают менеджерские должности. Работают по большей части в российских отделениях крупных международных концернов, но всё чаще к услугам польских специалистов прибегают и российские фирмы. Эту конъюнктуру быстро почувствовала Патриция Венглярек, владелица фирмы «Гроуинг», которая занимается «охотой за головами». Она специализируется в первую очередь на поисках квалифицированных профессионалов из Польши с хорошим или очень хорошим знанием русского языка.

«Предприниматели привлекают людей в Москву прежде всего перспективой сверхвысоких заработков. Оклады в Москве втрое выше тех, которые можно получить на сходной должности в Польше», — объясняет Патриция.

К ним прилагаются различные дополнения, на которые в Польше могут рассчитывать только президенты и генеральные директора больших концернов, — такие как домработница, няня, круглосуточно доступный водитель или абонемент в фитнес-клуб, а это в Москве дорогая роскошь. Движение на российском рынке труда идет в две стороны. Всё чаще Патриции присылают свои анкеты те поляки, которые вместо Лондона или Дублина выбирают Москву.

«Первоначально брешь на рынке специалистов заполняли немцы. Фирмы предлагали им т.н. переселенческий пакет, то есть едва ли не физически переносили их дома в Россию. Воссоздавали условия, к которым эти люди были приучены в Германии, забирали вместе с целыми семьями. Они жили точно так же, но за более серьезные деньги, — объясняет Дариуш Цвайда, главный редактор портала Rosja.biz.pl и представитель фирмы «Альфа консалтинг». В России он живет десять с лишним лет. — Только во вторую очередь стали привлекать поляков. Молниеносно выяснилось, что они намного быстрее, легче и оборотистее крутятся в российской действительности. Это же люди, которые в большинстве своем прекрасно помнят ПНР. А первые шаги в бизнесе они делали в период перелома, когда ценились ловкость и умение ориентироваться в рыночной системе, но вместе с тем — в закостенелых юридических нормах и правилах, где нужно кому-то сунуть в лапу конверт или иметь хорошие отношения с дамочкой в какой-нибудь конторе».

«В России бюрократическая машина по-прежнему остается огромной, — объясняет Дариуш Цвайда. — Количество бумаг,

печатей, подписей, которое необходимо собрать, людям с Запада представляется таким, что его не перепрыгнешь. Немец этого не понимает, считает абсурдом. А поляк замечательно справляется с подобными ситуациями. Мало того, он еще по ходу дела иронически посмеивается! И при всем том отлично знает инструментарий западного бизнеса».

Пээнэровская изворотливость помогла Мирославу Гжибовскому спасти свой российский бизнес от банкротства. «Это было во время кризиса 1998 года. Банки прекратили выплачивать людям и фирмам их сбережения. Поэтому я отправился в банк с большим скандалом. Удалось, причем до такой степени, что мне выплатили половину денег фирмы. Но, когда девушка из окошка положила передо мной намного больше ста тысяч долларов в пластиковых пакетах с ручками, я ужаснулся. Как пройти через разъяренную толпу, которая перед зданием ждет сбережений всей своей жизни? Помогли мне два охранника. Я спрятал эти пластиковые пакеты за пазуху, а они вывели меня под руки из банка и швырнули в толпу с криком, чтоб я больше к ним ни за какими деньгами не приходил, потому что все равно ничего не получу. Толпа сочувственно расступилась...»

Может быть, важнее ловкости и изворотливости стало для поляков знание русского языка. Неприятная и унижительная обязанность изучать язык «величайшего друга Народной Польши» обернулась превосходным капиталом. Никаких сомнений не питает на сей счет Мартин Ковальчик. «Это наша огромная сила. В бизнес-документации и деловых взаимоотношениях здесь сплошь и рядом говорится что-то между строк. Менеджеры из западных стран вынуждены пользоваться помощью переводчика, да только он того, что между строк, не переведет. И тогда очень часто оказывается, что какие-то вопросы „невозможно решить“. А нам, полякам, удается».

КЛИЕНТ, ТО ЕСТЬ ДРУГ

Если бы эффективность ведения дел с российскими бизнесменами оценивалась исключительно по результатам официальных встреч, то она была бы близка к нулю. В России не проводят различия между сферой бизнеса и частной жизнью. «Здесь существуют очень сильные традиции личных отношений между партнерами, — объясняет Дариуш Цвайда. — Подписание любых контрактов связывается тут не только со встречами в офисе, но прежде всего с другими встречами — в ресторанах, саунах. Таким образом проводят время, чтобы познакомиться, подружиться».

Подобные разговоры-переговоры могут тянуться до бесконечности. Не раз убеждался в этом Збигнев Бежня. Он занимает пост исполнительного директора фирмы «Дресста», которая торгует строительными машинами и шахтным оборудованием. В России работает с 1996 года. «Мой клиент жил на Дальнем Востоке, — вспоминает Збигнев. — Он был владельцем небольшой золотодобывающей шахты. Мы звонили друг другу раз-два в неделю. И спустя какое-то время стали друзьями. Всё реже разговаривали о бизнесе, а чаще — о личных делах. Так продолжалось два года. В какой-то из дней он позвонил, что находится в Москве. Мы встретились. Он вытащил из портфеля печать и готовый контракт на поставку колесного погрузчика. „Сегодня подпишем, завтра я перевожу деньги, а ты послезавтра отправляешь машину. Годится?“ — спросил он. Я был в шоке, но, конечно, согласился». Российские партнеры регулярно ошеломляют Збигнева.

С другим клиентом у него дружба по телефону складывалась и укреплялась полгода с лишним. Тот тоже прикатил без предварительного уведомления. «Под Москвой проходила ярмарка строительного оборудования. Он приезжает в предпоследний день и говорит: „Эта машина мне нравится! Беру ее!“ Я ему: „Тише, тише! Она уже продана“. Но он уперся. В результате я согласился. А он открыл чемодан и начал вытаскивать оттуда пачки евро, уложенных в тысячи. Менеджеров с Запада такое поведение шокирует. Они теряют хладнокровие. А поляки с полным спокойствием объясняют клиенту, что так дела не делаются, и везут его в банк, где тот вносит деньги. Дружба в конце концов становится бизнесом. Такая модель приносит партнерам большие выгоды, в том числе и нематериальные. Как говорит Дариуш Цвайда, суть в том, что в России по отношению к «друзьям» чрезвычайно лояльны: «Случается, на рынок приходит новая фирма. И предлагает точно такой же, а то и лучший товар по куда более низкой цене. Устраивает красивую презентацию, на которой видно, какую сумму клиент выиграет благодаря смене поставщика. Партнер слушает и говорит: „Нет, большое спасибо“. — „Но почему?“ — „Потому что мы берем этот товар у кого-то другого“. — „Да, но наш дешевле!“ — „Да, но мы с ними знакомы пять лет, вместе обедаем, как-то неудобно“. Подобные аргументы немцам или англичанам непонятны. Поэтому в такие моменты они часто отступают. Поляки же принимают эту российскую игру. Их выбрасывают сегодня, но они снова приходят через неделю. Раскидывают мозгами. Спрашивают: „А почему бы не попробовать? Может, и удастся это сделать? К кому еще обратиться по данному вопросу?“

Ходят за клиентом в течение полугода, пока тот, наконец, не сломается».

ЖЕСТКИЕ РУСОФИЛЫ

Нужно быть терпеливым, но вместе с тем и жестким. «В России агрессия встречается на каждом шагу и представляет собой постоянный элемент поведения в бизнесе, — описывает российские реалии Мирослав Гжибовский. — Люди должны со всеми бороться и всем доказать, что они самые лучшие и знают лучше всех. В частности, это проявляется в том, что они делают условия более бескомпромиссными. Например, все вносят определенные изменения в формулировки договоров, а они — нет. Говорят, что ничего не обязаны менять и что вообще не обязаны делать с тобой бизнес». Между прочим, именно по этой причине решительное большинство менеджеров, в том числе и тех, кто приехал из Польши, — мужчины.

«С таким стереотипом борются многие польки, которые великолепно справляются с менеджментом „по-русски“, но Москва наверняка не место для принцесс на горошине, — смеется Дариуш Цвайда. И добавляет уже совершенно всерьез: — Партнерская модель управления в России не приживается. Здесь надо быть жестким менеджером». «Следует постоянно учиться и делать выводы из тех уроков, которые получаешь здесь каждый день. Иначе можно быстро проиграть», — советует в свою очередь Мартин Ковальчик.

Как выжить? Балансировать между бизнесом и частной жизнью, играть круто, но вместе с тем следить за тем, чтобы не уязвить и не обидеть российского партнера, иначе можно перечеркнуть бизнес раз и навсегда. Шлифовать русский язык и терпеливо сносить всё новые и новые унижения от чиновников и бюрократической машины, начинающиеся уже в аэропорту.

«Тому, кто не справляется с заполнением миграционной карты, нечего рассчитывать на помощь. Его попросту выталкивают в конец очереди. Потом добавляются проблемы разнообразных разрешений и необходимых медицинских обследований — от тестов на ВИЧ и венерологических анализов вплоть до заглядывания во все места нашего тела. Причем любые такие вещи происходят на глазах у всего медицинского персонала!» — вспоминает Дариуш Цвайда. «Чтобы действовать эффективно и результативно, необходимо полюбить эту страну. С реальной действительностью невозможно бороться. Россию надо полюбить такой, какая она есть. Тогда сумеешь заметить, что работа здесь — это огромный

жизненный шанс», — добавляет Мартин Ковальчик. Недавно он вместе с коллегами купил два вездехода. «Один — это ГАЗ-69, послевоенная версия того российского автомобиля, который мы в детстве называли газиком. Второй — чуточку более новый УАЗ, который в Польше именуется „лазик“. Мы в свободное время разъезжаем себе на них по лесам, по бездорожью. По России. И влюбляемся в нее всё сильнее».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Согласно опросу ЦИОМа, проведенному в ноябре 2008 г., „самым большим успехом Польши за последние сто лет стало обретение независимости в 1918 году. Таково мнение более чем половины поляков. На втором месте — вступление Польши в ЕС в 2004 г. (39%). Далее следуют свержение коммунизма в 1989 г. (37%), восстановление страны после II Мировой войны (33%), участие во II Мировой войне (25%), создание «Солидарности» (22%) и вступление в НАТО (18%). По мнению абсолютного большинства (97%), самой положительной фигурой в истории Польши прошлого века был Иоанн Павел II. Более чем три четверти опрошенных с одобрением относятся к примасу Польши кардиналу Стефану Вышинскому (82%), Юзефу Пилсудскому (80%), Леху Валенсе и Яцеку Куроню (по 76%). Более половины опрошенных положительно оценивают также генерала Владислава Сикорского [премьер-министра польского эмигрантского правительства времен II Мировой войны. — Ред.] (69%) и Тадеуша Мазовецкого (64%)” («Ньюсуик-Польша», 4 янв.)

• „56% поляков считают 90 е годы лучшим для нашей страны периодом за все прошлое столетие. 27% предпочитают период ПНР (1948–1990). Это сильно отличается от результатов аналогичного опроса семилетней давности. В 2001 г. 42% поляков считали лучшими для Польши и поляков годами период ПНР. 90 е считали лучшим периодом лишь 30% опрошенных”. Опрос был проведен дважды (в 2001 и 2008 гг.) исследовательской фирмой «IMAS International» среди 1004 человек старше 15 лет методом личного интервью. («Жечпосполита», 5 янв.)

• Согласно опросу ЦИОМа, „сегодня более половины поляков довольны своими достижениями. В 1989 г. таких людей было всего 29% (...) Судя по опросам, в XXI веке мы смотрим на жизнь гораздо оптимистичнее — меньше раздражаемся, нервничаем, разочаровываемся, утомляемся, нуждаемся в помощи и приходим в ярость. Мы наконец почувствовали, что можем влиять на происходящее вокруг нас, что мы не просто винтики в огромном механизме. Неизменным осталось лишь одно: как и много лет назад, каждый третий поляк чувствует

пренебрежительное отношение со стороны власти (...)
Злоупотребление властью в нашей стране повсеместно, и это не зависит от политического устройства”. (Магдалена Янчевская, «Дзенник», 30 дек.)

• Проф. Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: „Начался 2009 год, прошло уже 20 лет с момента свержения в Польше коммунизма, проведения первых частично демократических парламентских выборов, создания первого некоммунистического правительства Тадеуша Мазовецкого. Это был период богатый историческими событиями, равнозначный межвоенному двадцатилетию, когда после 123 лет неволи был заложен фундамент независимого государства (...) Помня о том, сколь многого нам удалось достичь (построение рыночной экономики, вступление в ЕС и НАТО, свобода и плюрализм СМИ, сильные гарантии гражданских свобод и т.д.), мы не должны забывать и о многочисленных неудачах. Общество сильно разделено — экономически, политически и культурно. Приверженность демократическим ценностям поверхностна. Остается все меньше шансов на взаимодействие между политиками разных направлений. Иногда мне кажется, что картина мира некоторых моих еще недавно близких друзей и знакомых удивительным, просто шокирующим образом отличается от моей, и по глубине расхождений это начинает напоминать времена коммунизма (...) Мир реальной политики и мир знаний никак не соприкасаются и не дополняют друг друга (...) Через 20 лет после падения коммунистической системы общество чувствует себя не худшим образом, а вот государство всё еще хромает”. («Ньюсуик-Польша», 11 янв.)

• Нику Попеску, эксперт по вопросам взаимоотношений ЕС и России в Европейском совете по международным отношениям: „Почти пятилетнее членство в ЕС — это большой успех как для Польши, так и для Европы, даже несмотря на то, что часто этот позитивный образ теряется в гуще спорных и широко обсуждаемых в прессе событий (...) Общая картина все-таки положительна. Если говорить о коррупции, то Польша не воспринимается в этом аспекте так плохо, как Румыния и Болгария. С ней не столь хлопотно и в экономическом смысле, как, например, с Венгрией, где в 2006 г. бюджетный дефицит достиг 10% ВВП. Политическая ситуация в Варшаве более стабильна, чем, скажем, в Праге, где в течение года были проблемы с формированием правительства. По всей видимости, европейский экзамен Польша уже сдала. Это видно на примере «Восточного партнерства», формулировку которого обнародовала в начале декабря Еврокомиссия. Это большой

успех Польши, предложившей эту идею вместе со Швецией. Речь идет об инициативе, которая должна охватить Украину, Белоруссию, Молдавию, Азербайджан, Армению и Грузию. ЕС должен либерализовать торговлю с этими странами, постепенно отменять визы и оказывать финансовую поддержку в осуществлении совместных проектов (...) В результате сегодня «Восточное партнерство» — это, пожалуй, самый модный термин в Брюсселе. Варшава доказала, что способна протолкнуть важную инициативу». («Ньюсуик-Польша», 4 янв.)

- „«Белоруссия положительно относится к инициативе „Восточного партнерства”», — заявил вчера белорусский министр иностранных дел Сергей Мартынов». («Газета выборча», 30 дек.)
- „Согласно опросу ЦИМО, 68% поляков положительно оценивают членство нашей страны в ЕС. Противоположного мнения придерживаются 9% опрошенных». («Жечпосполита», 20–21 дек.)
- „Ключевым событием 2009 г. будут выборы в Европарламент (...) Для «Гражданской платформы» (ГП) и «Права и справедливости» (ПиС) европейские выборы — это генеральная репетиция перед марафоном 2010–2011, когда мы будем выбирать президента, депутатов Сейма, Сената и органов местного самоуправления». («Ньюсуик-Польша», 4 янв.)
- „Каждая польская политическая команда, придя к власти, щедро одаривала своих людей должностями. А поскольку до сих пор ни одно правительство не оставалось на второй срок, мы имеем дело с полной сменой кадров в государственной администрации, органах правосудия, а также на предприятиях и в СМИ, находящихся под контролем государства. Уже своего рода традицией стала инструментализация аппарата власти, которую политологи называют «польской болезнью»». (Витольд Ожеховский, «Жечпосполита», 31 дек. — 1 янв.)
- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований (ЛСИ), на президентских выборах 27% избирателей поддержали бы Дональда Туска, 15% — Леха Качинского, 14% — Казимежа Марцинкевича. 46% сторонников Туска — это люди в возрасте от 18 до 24 лет, 38% имеют высшее образование. Президент лидирует среди избирателей с неполным средним образованием (28% против 15% у Туска), а также людей в возрасте старше 60 лет (30% против 13% у Туска). («Газета выборча», 30 дек.)

- Согласно опросу «Millward Brown SMG/KRC», „после трех лет президентства Леха Качинского положительно оценивает 41% респондентов, отрицательно — 58%. Шансы на перевыборы ему дают 22% опрошенных, в то время как 75% считают, что выборы в 2010 г. он проиграет”. («Дзенник», 24-26 дек.)

- Согласно опросу ЛСИ от 9-11 января, ГП поддерживают 55% поляков, Пис — 26%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 6%. Не преодолеют 5 процентного избирательного барьера крестьянская партия ПСЛ (4%), «Лига польских семей» и «Самооборона» (по 2%), Демократическая партия, «Польская социал-демократия» и «Уния реальной политики» (по 1%). («Газета wyborcza», 14 янв.)

- „Самым важным, хотя и недооцененным достижением Польши в прошлом году был удерживающийся на высоком уровне экономический рост. Благодаря благоприятной конъюнктуре, сохраняющейся все последние годы, польское общество стало гораздо богаче и увереннее в себе. Положительные сдвиги стали наблюдаться и в запущенной польской провинции”. (проф. Здислав Краснодембский, «Впрост», 4-11 янв.)

- „Закон, изменивший страну (...) Закон 1988 г. может служить образцом для современного законодательства. «Каждый гражданин может свободно и на равных правах начинать и вести хозяйственную деятельность», — так начиналась первая статья изданного 20 лет назад закона о хозяйственной деятельности (...) Закон был одним из элементов второго этапа экономических реформ, проведенных последним коммунистическим правительством (...) Несмотря на истекшие годы, этот закон остается недостижимым идеалом для многих политиков и предпринимателей. Он вводил только 11 областей, охваченных лицензированием, а сейчас их около двухсот (...) В настоящий момент Польша занимает в рейтинге экономической свободы лишь 69-е место. Нашу страну опережают почти все страны Евросоюза”. (Магдалена Козмана, «Жечпосполита», 30 дек.)

- „Эта идея родилась у Мечислава Раковского, многолетнего партийного журналиста и политического деятеля: нужно легализовать то, что в течение 40 лет искореняла коммунистическая пропаганда и спецслужбы, — частную инициативу (...) Оппозиция, которая действовала уже вполне открыто, предложение Раковского приняла скептически. Во-первых, потому что коммунистической власти по определению не верили (...) Во-вторых, Раковский в своем экспозе употребил выражение «ломающийся от изобилия стол» и дал понять, что

он важнее «круглого стола», за который хотела сесть оппозиция (...) Самой важной в законе была фраза: «Хозяйственные субъекты в рамках своей хозяйственной деятельности могут предпринимать действия, не запрещенные законом». Разрешено всё, что не запрещено, — интерпретировали это предприниматели. Это была полная противоположность коммунистического принципа «запрещено всё, чего не разрешит власть». «Очень скоро число фирм достигло миллиона (...) Когда годом позже стала расти безработица и государственные предприятия были вынуждены провести сокращения, благодаря закону Мечислава Вильчека [тогдашнего министра промышленности и автора закона. — Ред.] предпринимательство стихийно расцвело, что помогло тысячам семей пережить трудные времена. Закон Вильчека и план Бальцеровича легли в основу польского капитализма». (Витольд Гадомский, «Газета wyborcza», 2 янв.)

- „Самый важный элемент налоговой реформы, вступающей в силу в 2009 г., — упразднение денежных штрафов за неправильно подсчитанный НДС. В результате налоговому управлению будет труднее давить на предпринимателей. С нового года изменятся также ставки подоходного налога. Три существующие ставки налога на доходы физических лиц (19, 30 и 40%) заменены двумя (18 и 32%), но уменьшается сумма, свободная от налога (с 572,54 до 556,02 злотых)”. («Впрост», 4-11 янв.)

- Прогнозы на 2009 г. для Польши такие же расплывчатые, как и для всего мира. Правительство считает, что рост ВВП не упадет ниже 3% (...) Нацбанк прогнозирует 2,8%. МВФ (...) рассчитывал, что это будет 3,8%, и аналогичный прогноз предлагает ЕС (...) но прогнозы, подготовленные международными банками и финансовыми организациями снижаются (...) Merrill Lynch (...) скорректировал прогноз до 1,8%, JP Morgan снизил прогноз роста для Польши до 1,5%, а BNP-Paribas предвидит в 2009 г. рост лишь на 0,4% (...) Всё это еще не рецессия, а лишь замедление, которое продлится, вероятно, до тех пор, пока в мировой экономике не наметится улучшение. Многие экономисты считают, что в 2009 г. будет не так уж плохо, потому что у людей есть большие запасы наличных и они будут их тратить, стимулируя спрос и производство. Хуже может быть в 2010 г., на который выпадают президентские выборы и связанное с ними политическое ускорение”. (Витольд Гадомский, «Газета wyborcza», 24-26 дек.)

- Лешек Бальцерович: „Все отчеты и анализы, которые я читал, относят Польшу к числу стран региона, которые кризис

затронул слабее всего. Впрочем, это не означает, что он нас не коснется (...) Если Польше удастся добиться 2-3 процентного роста ВВП, то мы окажемся среди передовых стран мира. Но, конечно, падение с 5% до 3% ощутимо (...) Наши заработки росли быстро, иногда даже быстрее, чем производительность. Теперь заработки будут расти значительно медленнее". («Газета wyborcza», 30 дек.)

- Согласно опросу «Mareco-Польша», в начинающемся году только 2,8% поляков готовы выехать на заработки за границу, а еще 8,9% рассматривают такую возможность. 87,8% опрошенных отвергают идею трудовой миграции. Для сравнения: в 2008 г. доля противников заграничных заработков составляла 85%, а работать на чужбину выехали 3,1%". («Ньюсуик-Польша», 11 янв.)

- „В ноябре мы положили на банковские счета почти 13 млрд. злотых (...) Это вторая по величине волна наличных в 2008 году (...) Поляки охотно приносили деньги в банки, так как снова поверили в стабильность финансовой системы. Их успокоило повышение гарантий по вкладам до 50 тыс. евро (около 180 тыс. злотых)". («Газета wyborcza», 13-14 дек.)

- „Согласно исследованиям группы «Aviva», всего треть поляков экономит с мыслью о пенсии. Регулярно это делает каждый пятый из нас". («Жечпосполита», 19 дек.)

- „В последние годы на пенсию ежегодно уходило около 100 тыс. человек. Статистика подскочила в 2007 году (...) Тогда с работы ушло 217 тыс. наших соотечественников. (...) В 2008 г. — 250 тысяч (...) До конца декабря в Польше действовали самые большие в Европе пенсионные льготы (...) Раньше на пенсию могла выйти каждая 55 летняя женщина (независимо от профессии), каждый сотрудник Польских государственных железных дорог, продавцы, художники и т.д. С января 2009 г. право на досрочную пенсию будут иметь 270 тыс. человек, потеряют же его 900 тыс. поляков (...) Чтобы выплачивать пенсии 250 тыс. гражданам, закончившим работу в прошлом году, Управление социального страхования должно будет найти дополнительные 2,5 млрд. злотых. Пенсионного сбора на это не хватит (...) В течение следующих пяти лет на выплату пенсий будет не хватать 158 млрд. злотых". (Лешек Костшевский, «Газета wyborcza», 5 янв.)

- „Парламентская казначейская комиссия приняла вчера отчет об имущественном состоянии государства в 2007 году. Из него следует, что год назад государственная казна располагала акциями и долями в 1344 компаниях, из которых 981 вела

хозяйственную деятельность. Стоимость долей составляла 198 млрд. злотых (...) В 2007 г. государственная казна имела в собственности (...) 11,5 млн. га земель, б?льшую часть которых (65%) составляли территории государственных лесов стоимостью около 91 млрд. злотых. Впрочем, наибольшую ценность (около 177 млрд. зл.) представляла собой земля в городах. За год площади, принадлежащие государству, уменьшились на 129 тыс. га". («Жечпосполита», 8 янв.)

- „По данным Государственного статистического управления (ГСУ), в ноябре промышленное производство упало на 8,9% по сравнению с прошлым годом". («Дзенник», 19 дек.)

- „Массовые сокращения штатов, заявленные предприятиями в центры занятости, превысили в ноябре 12,5 тыс. человек. Для сравнения: в октябре эта цифра составила около 6,2 тысячи. На одну пятую увеличилось также число предприятий, проводящих увольнения, — со 104 х до 127 ми". («Жечпосполита», 23 дек.)

- „Кризис разоряет рынок труда. По предварительным данным министерства труда, в декабре безработица выросла с 9,1 до 9,5%, число безработных увеличилось почти на 76 тысяч (...) В декабре было зарегистрировано 1474,4 тыс. безработных. Безработица всегда растет в конце года, но на этот раз мы имеем дело с самым серьезным скачком за последние пять лет". («Дзенник», 9 янв.)

- „Совет монетарной политики снизил основную процентную ставку с 5,75 до 5%. Это радикальное снижение должно помочь слабеющей экономике. Вчера выяснилось, что хотя в ноябре розничные продажи выросли по сравнению с ноябрем 2007 г. на 2,7%, однако по сравнению с октябрём 2008 г. они упали на 9%". («Жечпосполита», 24-26 дек.)

- „Инфляция снизилась с 3,7% в ноябре до 3,4% в декабре. Банковские аналитики уверены, что она могла оказаться еще ниже, в пределах 3,3%. По их мнению, в ближайшие месяцы инфляция будет падать. Экономисты предсказывают, что в январе она снизится до 2,9%, а в конце первого квартала и во втором квартале достигнет 2,5%". («Дзенник», 3-4 янв.)

- „Во вторник злотый второй день подряд уверенно укреплялся (...) Вчера евро опять стоило 3,96 злотых. Доллар стоил 2,93 злотых, то есть на 7,4 гроша меньше, чем в понедельник (...) За швейцарскую валюту платили лишь 2,62 зл., хотя еще несколько дней назад она стоила больше 2,8. С понедельника

курс швейцарского франка упал по отношению к золотому на 9,5 грошей”. («Дзенник», 7 янв.)

- „На валютном рынке проблемой продолжает оставаться низкая ликвидность, в результате чего в течение дня колебание курса может превышать 10 грошей”. (Жечпосполита», 8 янв.)

- „После вступления Польши в Шенгенскую зону наши консульства выдали на 66% меньше виз белорусам, на 46% — украинцам и на треть — россиянам”. («Газета wyborча», 18 дек.)

- „Почти 3 млн. поляков и украинцев смогут уже этим летом без виз пересекать границы обоих государств. Это предусматривает подписанный вчера договор о малом приграничном движении (...) Договор касается районов, граница которых начинается не ближе 30 км и кончается не далее 50 км от государственной границы (...) Договор охватывает 1,1 млн. человек с украинской и 1,6 млн. человек с польской стороны (...) За 20 евро они смогут получить разрешение на пресечение границы на два года с возможностью многократного продления на пять лет”. («Дзенник», 24–26 дек.)

- „Очередь из 130 принадлежащих российским гражданам автомобилей стояла вчера на польско-российском пограничном пункте в Гронове, ожидая въезда в Калининградскую область (...) Местные жители, поляки, приносили россиянам горячую пищу и напитки. Перед переходом они разожгли костер, чтобы замерзшие пассажиры автомобилей могли согреться. «Люди мерзнут, им надо помочь. У меня дома сейчас русская, хотела умыться. Она уже третий день ждет на погранпереходе», — рассказала журналистам Уршуля Надольская из Гронова (...) Водители ждут решения российских таможенников, производящих досмотр импортируемых автомобилей”. («Газета wyborча», 27–29 дек.)

- „Перед Рождеством в очереди на переходе в Гронове (...) нужно было стоять пять дней (...) «Российские таможенники практически перестали проводить досмотр. Дело двинулось только на второй день Рождества», — говорит прапорщик Пограничной охраны Анна Маух. «Мы привезли новые туалеты. С моего согласия срублено также дерево в лесу, чтобы люди могли разжечь костер и согреться. На границе работают закусочные, а житель нашей гмины Гжегож Вышовский позаботился о бутербродах и напитках», — перечисляет войт Бранева Винценты Пшиборовский (...) В декабре кочующие перегонщики автомобилей трижды устраивали на переходе в Гронове блокаду в знак протеста против поведения своих

таможенников, написали петицию властям Калининградской области (...) Какой-то русский рассказывал в «Радио водителей», что в одном из домов ему предлагали стакан чая за 4 злотых и яичницу за 20 злотых: «Люди думают, что раз мы сидим в роскошных автомобилях, то у нас много денег. А я эту машину просто перегоняю. За курс я получаю 150 евро»". (Ивона Трусевич, «Жечпосполита», 30 дек.)

- „«Если американцы построят в Польше свою противоракетную систему, то мы можем разместить в Белоруссии межконтинентальные ракеты «Тополь»», — предостерег вчера чиновник российского Минобороны (...) Раньше Россия пугала, что в ответ на строительство базы ПРО в Польше разместит в Белоруссии ракеты ближнего действия «Искандер»". («Газета wyborcza», 24-26 дек.)

- „Пайпс хорошо помогает от предрассудков (...) Непросто писать в Польше о передвижниках. Ричард Пайпс, наверное, не совсем отдавал себе отчет, насколько переваренные советской поп-культурой русские реалисты воспринимались во всех подвластных Москве странах как элемент малоэффективной, но оттого не менее отторгаемой культурной русификации. Достаточно вспомнить ПНР: конфетные коробки кондитерской фабрики «Нева», о которых нельзя было сказать, что больше переслащено — конфеты внутри или медведи Шишкина на крышке; бесконечные переиздания альбомов Сурикова, заполнявшие полки магазина «Советская книга»; фигурировавшая во всех учебниках русского языка бурая репродукция сцены, на которой выпущенный на свободу ссыльный революционер в потертом пальто заходит в свою квартиру, — всё это не располагает к передвижникам на берегах Вислы (...) Но, может, благодаря имени Пайпса стереотип будет преодолен (...)". (Рец. на: Ричард Пайпс. Русские художники-передвижники. Варшава: «Магнум», 2008. Книга издана одновременно в США и в Польше.) (Войцех Станиславский, «Жечпосполита», 3-4 янв.)

- „Ушел из жизни Земовит Федецкий. Прекрасный переводчик русской литературы (...) он послужил делу культурного сближения России и Польши, переводя на польский русскую поэзию и прозу, в частности, Александра Куприна, Юрия Тынянова, Михаила Булгакова, Юрия Трифонова, Николая Заболоцкого, Даниила Хармса, Сергея Есенина, Владимира Высоцкого, Исаака Бабеля и Марину Цветаеву. Благодаря ему Польша открыла и Булата Окуджаву". («Жечпосполита», 9 янв.)

- „Польша и ЕС с тревогой наблюдают за спором Киева и Москвы. Через территорию Украины проходит 40%

потребляемого в нашей стране и 20% потребляемого в ЕС (...) газа. (...) Петр Возняк, бывший министр экономики: «Приостановка поставок российского газа была бы для нас катастрофой. Мы, конечно, располагаем стратегическими запасами этого сырья, но их хватило бы в лучшем случае на несколько десятков дней (...) На сегодняшний день через станцию Дроздовичи на польско-украинской границе в нашу страну перекачивается более 7 млн. кубометров в сутки. Это почти половина нужного нашей стране газа. Если бы этот источник истощился, моментально остановилась бы значительная часть производства, в т.ч. большая часть Силезии (...) Невозможно эффективно управлять экономикой 40 миллионной страны без стабильных поставок энергии (...) Треть используемого нами газа добывается в Польше (...) Ни одна страна ЕС, кроме тех, которые еще меньше нас: Чехии, Словакии, прибалтийских стран, — не зависит в такой степени от «Газпрома», как мы. Есть лишь один выход: подключение к независимой от России промышленно-производственной газовой системе, то есть к системе скандинавской (...) Польская нефтегазовая компания (ПНГК) вошла в консорциум, который будет строить новое сообщение между Швецией, Норвегией и Данией (...) Работы должны начаться в конце 2009 года».

(«Дзенник», 2 янв.)

• „Вице-президент «Газпрома» Александр Медведев направил вице-премьеру Польши Вальдемару Павляку предложение еще раз обсудить условия правительственного соглашения — до того, как будет согласован и подписан новый контракт между ПНГК и «Газпромом». Письмо было отправлено 26 декабря, т.е. за пять дней до того, как был перекрыт кран с газом, идущим на Украину. «Но ведь ПНГК — это акционерное общество, и трудно понять, каким образом правительство может заменить правление компании на переговорах по торговым контрактам», — не скрывает своего удивления Анджей Липко, бывший президент ПНГК (...) «Газпром» наверняка хочет внести изменения в договор о Ямальском газопроводе, так как из него явственно следует, что Россия не выполняет свои обязательства. В подписанном шесть лет назад протоколе к международному договору сказано, что до 2004 г. Польша и Россия «актуализируют» строительство второй ветки Ямальского газопровода (...) Это до сих пор не сделано». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 6 янв.)

• „«Газета wyborcza» спросила у российского премьер-министра, не считает ли он, что стоило бы вернуться к идее второй ветки газопровода Ямал — Европа через Белоруссию и Польшу (...) Путин ответил: «Мы должны закончить Северный

газопровод по дну Балтийского моря (...) А к идее строительства второй ветки Ямальского газопровода мы, возможно, вернемся позже. Слава Богу, отношения с Польшей по транзиту газа у нас урегулированы. Транзит обеспечен, ставки по нему согласованы». Это хорошая новость, так как до сих пор «Газпром» ставил под сомнение транзитную ставку, установленную Управлением регулирования энергетики. Российская фирма не платила полных счетов за транзит. Несколько недель назад «Газпром» проиграл процесс по этому делу в Московском арбитражном суде». (Вацлав Радзивиллович, «Газета wyborcza», 9 янв.)

- „Вчера поставки газа на Украину сократились на 85%, однако сегодня мы продолжаем получать газ — в основном через Белоруссию. «Газпром» закачивает туда дополнительные 7 млн. кубометров в день. Хотя это не вполне компенсирует убытки от украинской трубы, проблем с газом пока нет, мы пользуемся запасами, которых хватит на несколько недель». («Газета wyborcza», 7 янв.)

- „В рамках коммерческих договоров ПНГК сократила поставки газа, в частности, польскому нефтяному концерну «Орлен» и пулавскому заводу «Азоты». В то же время в обеспечении других фирм и индивидуальных клиентов перебоев нет». («Жечпосполита», 8 янв.)

- „Польская экономика потребляет 45 млн. кубометров газа в сутки, в период морозов потребление растет — в последние дни до 55 млн. кубометров в сутки. У нас три источника поставок: около трети газа мы получаем через Украину, треть через Белоруссию, а остальное добываем сами. Таким образом, газовый кризис касается около 30% поставок (...) У Польши есть 1,3 млн. кубометров собственных резервов. Если бы в страну перестал поступать другой газ, этого хватило бы на 25–30 дней. Но так как недостает лишь части сырья, то резервов хватит почти на три месяца (...) Холод в домах нам не грозит: почти 90% вырабатываемого в Польше тепла производится из каменного угля (...) Газа хватит всем, кто отапливает им квартиру». (Якуб Кумох, «Дзенник», 9 янв.)

- Гжегож Пытель, эксперт Института им. Яна Собесского: «На сегодняшний день официальные польские запасы газа составляют 140 млрд. кубометров (...) Кроме того, в нашем распоряжении есть еще минимум 100 млрд. кубометров в польской экономической зоне Балтийского моря. Добываемые в нашей стране 4,5 млрд. кубометров в год — это лишь треть необходимого нам газа. Польша ежегодно потребляет около 14 млрд. кубометров газа (...) Около 9 млрд. кубометров мы

импортируем из России или через Россию (...) Польша должна увеличить добычу газа настолько, чтобы быть в состоянии полностью покрыть потребности страны, — то есть до 14 млрд. кубометров”. («Жечпосполита», 9 янв.)

• „Польша в цистернах доставляет газ в Словакию, но многие страны из-за отсутствия сообщения не могут рассчитывать на помощь соседей. О газовом кризисе разговаривали в четверг в Праге Лех Качинский и Вацлав Клаус, в Братиславе — премьер-министры стран Вышеградской группы, в т.ч. Дональд Туск. «Украина как транзитная страна не может политически отвечать за последствия этого кризиса», — оценил Туск. По его мнению, переговоры подтвердили, что Россия — трудный собеседник. Президент Качинский подчеркнул, что ЕС должен научиться по-другому говорить с Россией, которая ведет «определенную игру», поощряя страны, действующие согласно ее пожеланиям, и наказывая остальные”. (Доминика Пщулковская, «Газета wyborcza», 9 янв.)

• „В Сейме прошла дискуссия об энергетической безопасности Польши (...) Вчера обсуждалось сообщение правительства по вопросу энергетической безопасности Польши в связи с приостановкой поставок российского газа через Украину (...) ПиС раскритиковал сообщение (...) ГП заявила, что до конца января правительство подготовит план диверсификации поставок газа”. («Наш дзенник», 10-11 янв.)

• „За последние несколько лет добыча газа должна была вырасти с нынешних 4,3 до 6,5 млрд. кубометров в год. Это половина требующегося нам объема (...) Увеличение добычи на 1 млрд. кубометров в год может продлиться 3-5 лет. За последние два года выделяемые на эту цель средства увеличились. Ежегодно на поиски месторождений тратится от 600 до 650 млн. злотых. В этом году средств должно быть еще больше, до 800 млн. злотых. ПНГК собирается увеличить собственную добычу до 6,2 млрд. кубометров. Речь идет, в частности, о газе из зарубежных месторождений, на которые у ПНГК имеются права. К 2015 г. планируется получать минимум 1,5 млрд. кубометров в год из норвежского континентального шельфа (...) До 2014 г. должен быть готов терминал сжиженного газа. На первом этапе через него будут поставляться 2,5 млрд. кубометров. В перспективе — 7,5 миллиардов”. (Генрик Садовский, «Польска», 10-11 янв.)

• Проф. Ежи Помяновский: „Этот конфликт я считаю скорее политическим, нежели экономическим (...) Газовое облако не должно скрыть от польских и европейских политиков перспективные, важные цели Москвы (...) [Бывший министр

внутренних дел (СДЛС)] Збигнев Семёнтковский очень точно выразился: «Раньше были танки, теперь газ». Дмитрий Медведев (...) был президентом «Газпрома» и знает, как пользоваться этим оружием (...) Кремль хочет чего-то большего — вернуть себе господство над Украиной (...) Мы должны помочь Украине сохранить суверенитет и остаться стратегическим союзником Польши (...) Волынская резня произошла по вине УПА, и об этом нельзя забывать. Но с кем заключают мир? Со вчерашним врагом! Здесь же речь идет не просто о мире, а о стратегическом союзе с соседом, который хорошо знает, что не Польша хочет господства над ним (...) Газовая война — это только этап. Путин (...) стремится к гегемонии и не скрывает своего желания воссоздать советскую сферу влияния». («Факт», 10-11 янв.)

- „В субботу в подмосковных Химках родилась российская «Солидарность». Это очередная попытка объединить разобщенную оппозицию (...) В воскресенье она впервые вышла на улицу под новым флагом, сделанным на манер польской «Солидарности» (...) В состав нового движения, идущего по стопам польской «Солидарности», вошли члены разных политических групп». («Жечпосполита», 15 дек.)

- „Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния и Германия создали общую платформу обмена информацией о коммунистической госбезопасности». («Тыгодник повсехный», 4-11 янв.)

- Уполномоченный по правам человека Януш Кохановский направил послу КНР в Польше Сунь Ронману письмо, касающееся преследования тибетцев. Кохановский сослался, в частности, на свой разговор с Далай-ламой и бывшими тибетскими политзаключенными, приглашенными в октябре в Польшу по инициативе польской Парламентской группы в поддержку Тибета. Уполномоченный по правам человека напомнил также об отчете ООН, где утверждается, что в Китае пытки до сих пор остаются обыденным элементом допросов и тюремного наказания». («Газета wyborча», 27-28 дек.)

- „Очередная беженка из Тибета оказалась на попечении супругов Скопцов (...) 14 летнюю Сонам привезла в Варшаву польская буддистка Дрольма, которая уже много лет помогает жителям маленькой тибетской деревушки Голок Тое в китайской провинции Сычуань (...) [До этого] у них жила 18 летняя Чиме, пока в начале октября до Польши наконец-то не добрались ее родители (...). Чиме покинула родную деревню в 2004 году (...) Она добралась сначала до Непала, а потом до

лагеря в Дарамсале. Там ее нашла Дрольма. Сейчас Чиме живет с родителями”. (Рената Ким, «Дзенник», 7 янв.)

• „Суббота. Солидарны с Израилем. На Замковой площади в 17.00 демонстрация «Стоп терроризму — солидарны с Израилем». Солидарны с Палестиной. В 17.00 от посольства Палестинской автономии выходит демонстрация к посольству Израиля. Ее участники будут требовать прекращения огня в секторе Газа”. («Газета выборча», 10–11 янв.)

• „Польские иудеи праздновали вчера Хануку, праздник Огней, один из самых крупных праздников этой религии (...) Лех Качинский зажег в варшавской синагоге Ножиков первую ханукальную свечу на традиционной меноре. Он поблагодарил евреев за вклад в формирование Польши по крайней мере «со времен [короля] Мешко Старого [1122/25–1202]». Перед Дворцом культуры и науки подобным же образом встречала Хануку президент (мэр) Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц”. («Дзенник», 22 дек.)

• Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира, нравственный авторитет и создатель понятия «Холокост» для обозначения Катастрофы еврейского народа, получил степень почетного доктора Гданьского университета, а также премию Орла Яна Карского”. («Пшеглэнд, 4 янв.)

• „«Почему вы не отмечаете годовщину 16 декабря?» — спрашивают израильские художники и приглашают в этот день в здание варшавской «Захенты» [выставочного зала]. В этот день художник Элигиуш Невядомский застрелил в «Захенте» президента Габриэля Нарutowича (...) Нарutowич, правивший всего пять дней, был первым президентом Второй Речи Посполитой. [Решающим фактором на выборах Нарutowича оказались голоса представителей национальных меньшинств, что стало поводом для нападок, а затем и убийства по националистическим соображениям. — Ред.]”. («Газета выборча», 16 дек.)

• „Книги, которые потрясли Польшу (...) Ян Томаш Гросс, «Страх. Антисемитизм в Польше после войны. История нравственного падения» (...) Трудно избавиться от впечатления, что книга написана для того, чтобы спровоцировать публичное обсуждение, от которого поляки до сих пор постоянно уклонялись (...) Гросс (...) спускает на нас целую лавину жестоких фактов и подробностей, из которых следует, например, что поляки действовали без подсказки немцев, что погромы имели не только расовую и религиозную, но и, хуже того, экономическую подоплеку (...) Книга достигла

желаемой цели. Вышли даже две публикации: «Вокруг „Страха”» и «Цена „Страха”», полемизирующие с книгой Гросса (...) Из них следует одно: поляки не избегают полемики. Они приняли вызов и справились с ним (...) Теперь раны могут начать заживать (...) Ярослав Марек Рымкевич, «Киндершенен» (...) Это книга одновременно потрясающая, отвратительная и грустная. По мнению Рымкевича, ошибкой было простить немцам их преступления. Именно немцам: «нацисты» и «фашисты» — это для автора недопустимые эвфемизмы (...) Рымкевич оправдывает принесение в жертву 200 тыс. поляков, погибших во время Варшавского восстания. Если бы не эта жертва, утверждает он, у нас не было бы сегодня свободной Польши (...) Это похвала массовому кровавому жертвоприношению лучших представителей народа». («Впрост», 4-11 янв.)

• Проф. Петр Слонимский, член Европейской, Польской и Французской Академии наук, в 1967 г. создал под Парижем Центр молекулярной генетики при CNRS: „То, что творят сейчас с памятью Варшавского восстания 1944 г., я считаю нравственным беспределом. То, что погибло 20 тыс. юношей и девушек из Армии Крайовой, кажется мне нормальным: мы были солдатами-добровольцами и сознавали, что шансы получить пулю в лоб велики. Но кроме того погибло 200 тыс. человек, которые не были добровольцами и никому не присягали. Вот что можно считать преступлением, которого наше командование не могло предвидеть, так же, как не предвидело оно, что немцы будут два месяца планомерно уничтожать город — всё, что в нем находилось. К чему все эти чествования, как будто мы одержали какую-то победу? (...) В течение двух месяцев в Варшаве ежедневно гибло столько, сколько погибло 11 сентября во Всемирном торговом центре. Как можно праздновать такой итог? Ведь мы лишились тех, кто был богатством этого народа». («Тыгодник повшехный», 21-28 янв.)

• „Американская НАСА наградила польских школьников, которые участвовали в международной программе наблюдения объектов, сближающихся с Землей (ОСЗ). Полякам, в частности, удалось открыть планетоид, а также уточнить орбиты двух других планетоидов, которые считаются объектами, угрожающими Земле столкновением. Две польские команды взошли на пьедестал почета технологического конкурса для студентов «Microsoft Imagine Cup-2008». Молодые информатики из Познани победили в нескольких раундах 200 тыс. участников из 100 стран. 17 летняя Магдалена Боярская получила одну из трех первых премий на Европейском

конкурсе работ молодых ученых Евросоюза в Копенгагене. Боярская была награждена за работу по математике, касающуюся теории графов [т.е. объектов, состоящих из непустых множеств вершин и множеств соединяющих их ребер. — Ред.]” («Жечпосполита», 27–28 дек.)

• „На сегодняшний день Большой оркестр праздничной помощи собрал уже 32 678 758 злотых (...) В прошлом году через день после финала оркестр насчитал 30,1 млн. злотых (после закрытия мероприятия добавилось еще два миллиона) (...) Объявленная вчера сумма возрастет, когда закончится аукцион в Интернете (...) Собранные деньги будут переданы на программу раннего диагностирования злокачественных опухолей у детей. Юрек Овсяк: «Хватит на всё: на оборудование высшей категории, на обучение» (...) В последних финалах волонтерами стали уже дети тех, кто собирал деньги 17 лет назад. А оркестр Овсяка — это самая узнаваемая в мире марка среди неправительственных организаций”. («Газета wyborcza», 13 янв.)

• „Вчера закончилась ежегодная акция подсчета летучих мышей, зимующих в фортификациях близ Мендзыжеца (...) В этом крупнейшем в нашей части Европе месте сосредоточения летучих мышей зимует около 34 тыс. особей. Мендзыжецкий укрепленный район (МУР) — это построенная немцами система бункеров и коридоров общей протяженностью 32 км (...) Так как эта территория охвачена программой «Природа-2000», ЕС требует от нас ежегодного подсчета летучих мышей (...) Нужно сделать это за один день (...) В этом году считать мышей вызвались 60 ученых и любителей из Польши, Великобритании, Германии, Бельгии и Голландии (...) В подземельях МУРа зимует 13 видов летучих мышей (...) Летучие мыши вымирали в 1960–1970 х гг., когда из-за повсеместного использования пестицидов погибло до 90% особей некоторых видов. Ежегодные подсчеты позволяют оценить изменения популяции и возможную угрозу ей”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 12 янв.)

• „Если не будет предпринята быстрая спасательная операция, то через 10 лет в Польше полностью вымрут скопы (...) В настоящее время у нас осталось всего 35 пар (...) Уменьшение числа скоп началось в годы системных преобразований. Пока рыбоводческие хозяйства принадлежали госхозам, на птиц никто не обращал внимания. Однако частные владельцы начали истреблять животных, поедавших рыбу. «У нас было несколько прямых доказательств, т.е. убитых птиц с дробинами в теле (...) Работники обязаны стрелять в животных», —

говорит Тадеуш Мизера из Познанского университета естественных наук, член Комитета охраны орлов (...) Согласно разрабатываемым новым правилам, владельцы прудов, на территории которых будет гнездоваться пара скоп, получают компенсацию за съеденную птицами рыбу (...) В настоящее время государство выплачивает компенсацию только за ущерб, причиненный зубрами, бобрами, медведями, рысями и волками. Правительство хочет включить в т.н. каталог скоп, больших бакланов и выдр, которые находятся под охраной, но, несмотря на это, истребляются рыболовами". (Якуб Хелминский, «Дзенник», 23 дек.)

• „В 2006 г., во время выступления одного из лучших экспертов [по экологии] сэра Джона Лоутона (...) на открытии первого Европейского конгресса по охране природы, прозвучал вопрос: почему Польша не охраняет такое сокровище, как Беловежская пуца? (...) Площадь всей пуцы — около 150 тыс. гектаров. Польше принадлежит около 62 тыс. га, остальная часть расположена в Белоруссии (...) Под охраной Беловежского национального парка находится 10,5 тыс. гектаров леса, т.е. около 17% польской части пуцы. Оставшаяся часть (почти 53 тыс. га) управляется тремя лесничествами Государственных лесов. На их территории существует 21 заповедник общей площадью около 12 тыс. гектаров. Всё остальное рассматривается как обыкновенный лес, годный для вырубки (...) Белоруссия хочет взять под строгую охрану 750 квадратных километров своего национального парка (...) У нас под строгой охраной находятся всего лишь 50 кв.км". («Газета wyborcza», 22 дек.)

• „Если бы существовал экологический Святой Николай, я бы попросил его взять под охрану польскую часть Беловежской пуцы (...) В год здесь по-прежнему вырубается 150 тыс. кубометров леса". (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 20-21 дек.)

• „С нового года в Бебжанском национальном парке расширена зона строгой охраны. Теперь на 7,2 тыс. гектаров ее территории запрещено любое вмешательство человека. Это радостная новость для лосей, ведь БНП — одно из их крупнейших в Европе естественных мест обитания этих животных (...) До сих пор в БНП было 4,5 тыс. гектаров, не контролировавшихся человеком (...) Другой вид, которым славятся бебжанские болота, — это бобр (...) Решение расширить зону строгой охраны — первый этап работ по включению БНП во всемирный список заповедников биосферы ЮНЕСКО. В настоящее время из 105 объектов, включенных в список, 10 находятся в Польше". («Дзенник», 7 янв.)

- „Лоси из Бебжанского национального парка гибнут на железнодорожных путях. Только в первые дни января под колеса локомотивов попали три лося. Дирекция парка призывает Польские государственные железные дороги ограничить скорость поездов на этом отрезке (...) до 30 км/ч (...) Ежедневно там проезжает только 14 пассажирских и несколько товарных поездов”. (Эмилия Вебер, «Дзенник», 3 янв.)

- Дорота Суминская, врач-ветеринар, автор телевизионных и радиопередач о животных: „Каждый может зайти в зоомагазин и купить рыбку в целлофановом пакете, попугайчика в картонной коробке и множество других «вещей» с теплым вечным двигателем внутри — сердцем (...) Хочется крикнуть: хомячок — это не плюшевая игрушка!!! Живые подарки, особенно сюрпризы, должны быть запрещены законом (...) Желаю всем, чтобы в это Рождество каждый из нас хотя бы на мгновение поставил себя на место попугая, ящерицы или хомяка, запакованных в цветную бумагу”. («Политика», 20-27 дек.)

СИБИРЬ — ОБЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

У истории Польши и России есть много общих, хотя и трагических страниц. Греки говорили, что независимо от наших намерений и дел никто не может избежать предначертаний судьбы. А судьбы поляков и русских трагически переплетались. Пространством общей трагедии была Сибирь. Там автор «Записок из мертвого дома» мог встретиться с автором «Сибирского лихолетья». Федора Достоевского никому представлять не надо; Шимон Токаржевский [Токажевский] был личностью, чьей биографии хватило бы на несколько захватывающих киносценариев.

Он происходил из патристической польской семьи, о которой писал так: «Дед мой, Барский конфедерат из рода Токаржевских-Карашевичей, герб „Труба“, из окрестностей Гродно, после первого раздела Польши переселился в Люблинскую землю». Шимон Токаржевский участвовал в заговоре ксендза Стегенного; чувствуя опасность, бежал за границу, там был арестован австрийцами и просидел два года во львовской тюрьме. В 1846 г. его выдали русским властям, после чего он был заключен в Варшавскую (Александровскую) цитадель, а спустя два года приговорен к тысяче шпицрутенов и десяти годам каторги. В «чертовой бричке» (конной предшественнице столыпинских вагонов) его перевезли в крепость Модлин, где приговор был приведен в исполнение — правда, смягченный «всего лишь» до пятисот шпицрутенов. Власти беспокоились о том, чтобы каторжник, во-первых, дошел до места ссылки, а во-вторых, пройдя пешком, в кандалах несколько тысяч километров, еще был пригоден к работе.

Путь в Омск длился год. Там, в общем каземате, польские ссыльные встретились с русскими каторжниками — Сергеем Дуровым и Федором Достоевским. Каким бы странным это ни показалось (а может, это как раз естественно?), на этом островке, окруженном морем простолюдинов-уголовников, шли бурные «споры славян между собою». По свидетельству автора «Семи лет каторги», Достоевский говорил, что «если бы

узнал, что в его жилах течет хоть одна капля польской крови, то тотчас бы велел ее выпустить». Это был большой комплекс великого писателя, который отдавал себе отчет как в своих польских (литовских, по его мнению) корнях, так и в противоречии между интересами Польши и России. Другим комплексом было благородное происхождение. «Каким образом принимал участие в демократическом движении он, гордец из гордецов, притом гордящийся по той причине, что принадлежит к привилегированной касте? Каким образом этот человек мог жаждать свободы людей, он, который признавал только одну касту и только за одной кастой, а именно аристократией, признавал право руководить народом во всем и всегда?». В России было два пути в дворянское сословие. С одной стороны, можно было продвигаться по службе так, чтобы получить соответствующий ранг (один из 14 ти установленных Петром I), причем это могла быть не только военная, но и гражданская или придворная служба (например, фрейлина имела ранг, соответствовавший званию майора). С другой стороны, титул можно было унаследовать — лучше всего, чтобы семья носила его испокон веков. Это был случай *noblesse oblige* — того самого благородного происхождения, которое обязывает. Автор «Бесов» был дворянином, потому что его отец, военный врач, получил ранг, соответствовавший его должности. Попытки доказать благородство своего происхождения с помощью генеалогии привели бы Достоевского к польским корням, к той самой польской крови, которую он хотел выпустить. Должно быть, это страшно его раздражало.

Здесь следует отметить существенную разницу между количеством и качеством дворянства в Польше и России. В империи обязанностью дворян была служба самодержавному престолу, а сами они составляли (в начале XX века, несмотря на многочисленные случаи приема в сословие) 1,5% населения. В Польше шляхта не только контролировала, но и формировала власть. Ее численность была в десять раз больше, чем в России, — такого не было больше нигде в Европе. Чувству послушания противостоял дух анархии.

В области международной политики Достоевский и Токаревский тоже сильно рознились. Федор Михайлович считал, что Константинополь и вся европейская часть Османской империи должны принадлежать России. Токаревский вспоминает, что автор «Преступления и наказания» написал (и декламировал товарищам по несчастью) оду на вступление победоносной русской армии в Константинополь (это произошло за несколько лет до начала

крымской войны). Я не специалист по творчеству Достоевского и не знаю, какова была дальнейшая судьба этого произведения. Мне известно лишь, что в написанном более двадцати лет спустя «Дневнике писателя» этому вопросу уделено немало места. Очень жаль, что этот важный литературный и политический документ более чем столетней давности до сих пор не переведен на польский.

Если уж мы коснулись издательской темы, хотелось бы обратить внимание на два неудобства. Первое из них заключается в том, что примечания в этой насчитывающей почти тысячу страниц книге помещены не внизу страницы и даже не в конце отдельных частей, а в самом конце. Из-за этого приходится перелистывать весь том, зачастую теряя при этом нить повествования. Второе неудобство связано с переводом. Очень жаль, что в русском переводе нельзя передать многочисленные русизмы, которые так украшают язык воспоминаний автора «Семи лет каторги» (так называется первая часть воспоминаний Шимона Токаржевского, описывающая начало его злоключений).

Благодаря амнистии в честь восшествия на престол Александра II Токаржевский был освобожден и в 1857 г. вернулся в Польшу. Здесь он стал сапожных дел мастером, чтобы вести патриотическую агитацию среди ремесленной молодежи. Не знаю, какие он шил башмаки, но агитация была такой успешной, что в 1862 г. его вновь арестовали. После его смерти в 1890 г. старшина варшавского сапожного цеха Станислав Хишпанский обратился в магистрат с просьбой выдать ему цеховое знамя, под которым сапожный цех намеревался выступить на похоронах своего товарища Шимона Токаржевского. В выдаче знамени сапожникам было отказано, зато своеобразные почести покойному воздали полицейские власти. На углах улиц, по которым похоронная процессия шла из церкви св. Антония на Повонзковское кладбище, стояли конные жандармы, а за гробом рядом с вдовой шагал полицмейстер в сопровождении околотовных. Видимо служба безопасности Привислянского края не без оснований сочла, что сапожное дело не было главным занятием автора книги «Тернистым путем» (так называются его воспоминания о 1862–1883 годах).

В эти годы он вновь стал гостем Варшавской цитадели, а также посетил каторгу в Кадае близ Нерчинска. Побывал он и на каторге в Александровске-на-Амуре, был в ссылке в Галиче, жил не по своей воле в Иркутске, по принуждению поселился в Кострове. Одним словом, в качестве каторжника, а затем

ссылного он изъездил всю Сибирь от Урала до Благовещенска. Освободился он благодаря следующей амнистии и коронации — на этот раз Александра III. В Варшаву Токаржевский вернулся в 1883 году. Там он женился на Халине Лещинской, дочери своего товарища по цитадели, и с ее помощью начал записывать воспоминания о своей яркой и нелегкой жизни. В канон этих воспоминаний, помимо уже упоминавшихся «Семи лет каторги» и «Тернистым путем», входят книги «Среди умерших для общества», «Каторжники», «В 1863 году», «В скитаниях», «Побег» и «Без паспорта». Все они входят в русское издание «Сибирского лихолетья».

Я разрываюсь между чувствами зависти и стыда. Почему с 2007 г. у русских читателей есть доступ к наследию автора «Семи лет каторги», в то время как в польских библиотеках этой изданной сто лет назад и уже не переиздававшейся книги либо нет, либо она считается ценным старинным изданием и не выдается на руки. В том же 2007 году в журнале «Sarmatian Review» был опубликован английский перевод отрывка из книги «Среди умерших для общества». Видимо, скоро изучение истории нашей страны будет требовать от нас, поляков, помимо всего прочего, знания языков.

Терзаемый завистью и пристыженный, я осознал, что кроме печатных источников существуют и другие. Поэтому я отправился в музей Десятого корпуса Варшавской цитадели, идя по уже давно остывшим следам героя моей статьи. Можно постоять перед дверью его камеры — она закрыта и пуста, но через глазок можно взглянуть на окружавший его мир. В одной из витрин я нашел «Страницу из списка осужденных Постоянной следственной комиссией». Под номером 12.55 значится «Семен Токаржевский». Этажом выше я увидел зал заседаний этой комиссии. Накрытый зеленым сукном стол, за ним три кресла: среднее мягкое, боковые — с плетеными сиденьями. Сверху двуглавый орел, а справа — огромный портрет Его Императорского Величества. Слева печь — единственная, в которой есть дверца; арестантские печи топились со стороны коридора. Перед столом жесткий деревянный стул с пюпитром, на котором обвиняемый читал и подписывал приговоры.

Над «страницей из списка» висит портрет автора воспоминаний, написанный непосредственно перед этапом. На нем у Токаржевского по-арестантски обрита половина головы. Так брили всех отправляемых на каторгу осужденных. Уголовных преступников дополнительно метили, татуируя им на правой щеке букву «К», на лбу «А», а на левой щеке — «Т».

КАТ — каторжник. Буквы накалывались смоченным в порохе штампом. На спину арестантам нашивали ромб («бубновый туз»), на котором писали буквы, обозначающие губернию, куда они шли. Одно дело читать об этом, другое — увидеть своими глазами. А еще можно посмотреть насчитывающий 125 картин и эскизов цикл «Сибирский дневник» Александра Сохачевского. Сохачевский, сын шамеса, бросил раввинскую школу ради учебы у Юзефа Зиммлера в варшавской Академии художеств. От кисти и палитры его оторвала подпольная деятельность, восстание и — в результате — ссылка. После возвращения, в 1885–1889 гг., Сохачевский продолжил учебу в Мюнхене. За свою главную картину «Прощание с Европой» он получил золотую медаль Мюнхенской академии. На этом огромном полотне, представляющем собой групповой портрет ссыльных он, по примеру Веласкеса, увековечил и себя. Если вы хотите знать, как выглядел путь в Сибирь, то, кроме чтения «Записок из мертвого дома» и «Семи лет каторги», вы должны посмотреть картины Сохачевского. Отсюда предложение издать альбом этого художника как в Польше, так и в России — чтобы больше узнать об общем историческом и культурном пространстве, имя которому Сибирь.

Шимон Токаржевский (Токажевский). Сибирское лихолетье. Пер. с польского Мэри Кушниковой; сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007.

СЕТЕВОЙ РАЦИОНАЛИСТ

Портал www.racionalista.pl — это особое место в сети: здесь пропагандируются традиции Просвещения, рационализм и наука, а вместе с описанием благодеяний, проистекающих от всего вышеперечисленного, звучит еще и протест против господства религии в общественной жизни.

Вместе с прогрессом науки, вместе со всё большей зависимостью сегодняшнего мира от техники мы наблюдаем почти во всем мире странное с виду явление вновь вернувшегося восторженного увлечения мистицизмом, новой волны предрассудков и суеверий. Наряду с нарастанием религиозного фанатизма мы наблюдаем и растущий спрос на разного рода площадные суеверия (временами задрапированные в научные одеяния). «Нью эйдж», альтернативная медицина, псевдоэкология, гадание, парапсихология, креационизм не только находят охотных потребителей, но и в соответствии с принципом обратной связи используются в СМИ как средство завлечь широкую публику, позволяющее повысить продажу периодики или расширить телеаудитоорию.

Критика как религии, так и псевдонаучного мошенничества часто навлекает на портал «Рационалист» обвинения в фанатизме. А ведь его «фанатизм» — это всего лишь смелость громко объявлять, что король голый; его «наглость» — это отсутствие конформизма, разговор о постепенном перерождении Польши в конфессиональное государство, о религиозной индоктринации в школах, об антагонистическом конфликте между наукой и религией.

Когда рухнул коммунизм, началась новая битва за власть над душами; во всех бывших коммунистических странах мы отмечали внезапный и бурный возврат к долго гонимой религии. Этому сопутствовали и отрицательные явления в виде хищных домогательств религиозных учреждений, стремившихся обрести влияние на государство или прямо захватить господство в его ведомствах.

В Польше эта тенденция была, возможно, сильнее, чем в других странах ввиду бесспорного авторитета Папы Иоанна Павла II.

Пользовался бы он таким огромным уважением у поляков, если бы был словаком, литовцем или ирландцем? «Свой Папа» стал своеобразным медовым пластырем на изболевшиеся польские души. В этом было опять-таки столько же положительных сторон, сколько и отрицательных, и это несомненно повлияло на политические аппетиты Церкви, приводя к тому, что сплошь и рядом приходской священник одним прыжком занимал место секретаря местного комитета ПОРП, а епископ — первого секретаря воеводского комитета. Многим куда важнее был Папа-икона, чем интересный человек, слова которого выслушивают и с которым можно спорить.

Портал racjonalista.pl создан в 2002 г., и за день его посещают 30–50 тыс. читателей. Сюда заглядывает главным образом молодежь — студенты, школьники, научные работники. Свыше 55% посетителей — моложе 25 лет. Молодые научные работники преобладают и среди авторов. Особенно много места портал уделяет биологии — той области знания, которая вне сомнения окажется особенно важной в XXI веке. Здесь в настоящее время, по-видимому, находится главное поле спора между наукой и религией. Эти философские споры обладают огромным практическим значением: здесь спорят об определении человека, противозачаточных средствах, абортах, исследованиях на стволовых клетках, но еще и об эволюции, о происхождении и развитии жизни на Земле, равно как и о происхождении нравственности.

Ничего странного, что на этом портале много места занимают т.н. новые атеисты: биологи — такие, как Ричард Доукинс и П.З.Майерс; философы — Дэниэл Деннетт, Энтони Грейлинг. Многим критикам кажется, что эти «новые атеисты» сосредотачивают всё свое внимание на борьбе с религией, но здесь они часто упускают из виду, что те борются за рационализм, что, действуя сразу на очень многих фронтах, они добиваются того, чтобы, как об этом сказал в своей первой речи Барак Обама, «вернуть науке подобающее ей место».

Анджей Корашевский — видный публицист, автор парижской «Культуры», последний лауреат премии «Культуры» им. Юлиуша Меровского, который известен также читателям «Новой Польши» (2002, №№1 и 2; 2005, №9). После долгого перерыва вновь возвращается на наши страницы.

ОТКРЫТАЯ КНИГА ПУТИ

Этот сразу внушающий уважение том — «Не клонил головы я пред силой. Антология белорусской поэзии с XV по XX век» (Вроцлав, 2008) — попал к читателям благодаря Коллегии Восточной Европы имени Яна Новака-Езёранского, которая осуществила данное, привлекательное с разных точек зрения издание. Так получилось, что именно во Вроцлаве, городе с многонациональными культурными корнями, были ранее изданы две важные для нашей нынешней темы книги, а именно: «Антология белорусской поэзии» (редактор-составитель Ян Гуца, предисловие Александра Борщевского — Biblioteka Narodowa, Seria II, Nr 196, 1978), а также «Пуп небес. Антология молодой белорусской поэзии» (редактор-составитель Андрей Хаданович, перевод на польский язык под редакцией Адама Поморского, 2008). И ныне мы пожинаем плоды трудов переводчиков, редакторов, историков литературы и издателей. Приведем список на титульном листе рецензируемой книги: составление, редакция и биографические сведения — Лявон Борщевский, Адам Поморский; вступительная статья — Лявон Борщевский; при участии Белорусского ПЕН-клуба, Андрея Хадановича, Владимира Сивчикова, Андрея Скурко; переводы на польский язык: Катажина Бортновская, Виктор Ворошильский, Ян Гуца, Ян Каспрович, Ежи Литвинюк, Ян Максымюк, Северин Полляк, Адам Поморский, Ежи Помяновский, Чеслав Сенюх, Земовит Федецкий, Лешек Энгелькинг; переводы на белорусский язык: Ригор Бородулин, Лявон Борщевский, Алексей Зарицкий, Максим Лужанин, Владимир Мархель, Владимир Некляев, Константин Цвирка. Добавим, что издательская серия «Белорусская библиотека», редактируемая Андреем Хадановичем и Яном Анджеем Домбровским, выходит под покровительством министерства культуры и национального наследия Польши, а в финансировании проекта с 2007 г. участвует МИД в рамках польской программы зарубежной помощи.

Автор этих строк рассчитывает, что благосклонный читатель не слишком разочарован «техническим» началом рецензии. Хотелось поименно назвать участников данного труда — относящегося к методологически чрезвычайно сложной области символической культуры, потребовавшего огромных усилий и немалого времени, — с тем, чтобы воздать должное

тем, кто принял в нем участие, выразить уважение к проделанной работе. Это особенно важно по отношению к рецензируемой антологии, которая, будучи завершённой в себе, одновременно представляет собой открытую книгу пути. Антология показывает состояние современного, сегодняшнего сотрудничества исследователей литературы, переводчиков, редакторов — белорусов и поляков, но в то же время она совершенно очевидно связана с многовековой литературной традицией белорусской поэзии, тысячью нитей вплетённой в выпавшее каждому поэту и его творениям **время**. Ибо именно из **времени**, то есть политической, государственной, идеологической, религиозной, языковой, культурной, национальной и, наконец, экзистенциальной **почвы** вырастают (в непостижимом по сути творческом процессе) произведения искусства. Поэзия во всех ее формах — это плод субстрата «времени-почвы». И еще, позволю робко заметить, комбинации генов, но это уже отдельная и не вполне исследованная тема. Отдавая должное всем, кто прямо или косвенно связан с работой над антологией, подчеркну, что с польской стороны наибольшее участие принял в ней Адам Поморский. Честь ему и хвала!

Каждую антологию можно читать и анализировать, как минимум, в двух аспектах: литературно-художественном и историко-социальном. Антология «Не клонил головы я пред силой», безусловно, еще станет предметом тщательного анализа со стороны историков литературы, ценителей поэзии, специалистов по переводу... Книга породит не одно эссе, не одно исследование художественных достоинств помещенных в ней произведений и их переводов. Не смею даже отчасти вторгаться в эту обширную и специфическую область. Затрону в рецензии тот пласт антологии, который можно трактовать как пополнение представлений об исторических судьбах, истории идей, культурной антропологии Белоруссии, особенно в отношении связей с традициями Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (Многих Народов).

Книга разделяется на две части: «Из старой поэзии» и «Из современной поэзии». В первой части помещено целиком или во фрагментах 54 произведения 34 авторов, а также 12 анонимных стихотворных текстов, обнаруженных в свое время в польских архивах профессором Адамом Мальдисом. Вторая часть включает 205 произведений 36 авторов. Самостоятельную ценность представляют биографические справки, содержащие много важных сведений об авторах и их творчестве, приведенные в общественно-политическом контексте, — начиная с первой половины XV века и до наших

дней. Увлекательное путешествие сквозь пять веков поэтического творчества белорусов начинается «Похвалой Витовту» — так назван фрагмент литовско-белорусской летописи, посвященной почти мифологизированному правителю Великого княжества Литовского, в составе которого белорусские земли были значительной частью. Князь Витовт, Вильно, Погоня, старобелорусский как официальный язык обширного государства — архетипические символы давней и славной истории, в определенной степени общей для литовцев и белорусов. В антологии выразительно обозначен также период Речи Посполитой, формально являвшейся союзом Короны (Польша) и Литвы, понимаемой как государственное образование, охватывавшее Жмудь, собственно Литву и земли, позже названные Белоруссией и Украиной. Как известно, польские, белорусские и украинские историки по-разному оценивают политику Речи Посполитой по отношению к, говоря сегодняшним языком, литовцам, белорусам и украинцам, но, справедливости ради, замечу, что и сами поляки никак не едины во мнении по этим трудным, запутанным вопросам. Однако даже самые резкие критики «восточной политики» Речи Посполитой многих народов, этнических групп, языков, культур, религий и верований не могут поставить под сомнение сам факт существования этого государства, что многосторонне отразилось на его жителях — во-первых, через категорию «польской политической нации» (охватывавшую шляхту разного этнического происхождения), а во-вторых, посредством образования. Вот первый неанонимный автор антологии: Миколай Гусовский (Nicolaus Hussovius). В биографической справке читаем: «Родился в бедной незнатной семье, по всей вероятности, в селе Гусово (Hussovo) в Принеманье или Приднепровье в белорусской части Великого княжества Литовского». Благодаря поддержке выдающегося гуманиста епископа Эразма Циолека оказался в Риме и там написал для папы Льва X латинскую поэму «Carmen de statura, feriata ac venatione bisonis» («Песнь про облик, дикость зубра и охоту на него»), изданную в Кракове в 1523 г., где описал родную землю и ее пуши. «Не завоевав поддержки королевского двора, плебейский поэт умер в нищете». А вот Андрей Рымша из-под Новогрудка, связанный с кальвинистской ветвью Радзивиллов: «Считается первым профессиональным белорусским литератором, писал как по-белорусски, так и на латыни». Вот Доминик Рудницкий, иезуит: «Был проповедником и преподавал поэтику в иезуитских коллегиях в Слуцке, Гродно, Мстиславе, Новогрудке (...)». А вот ксендз Юзеф Бака, сын мстиславского казноблудителя, богатого землевладельца, родился на Минщине. Учился у иезуитов, принял постриг в 1723 году. (...) Более 20 лет осуществлял миссионерскую деятельность

среди сельского населения Литвы и Белоруссии (...)». Его единственное в своем роде гротесковое поэтическое сочинение, вызывающее восторг и замешательство поляков, может быть понято «на основе белорусского фольклора, языка, фразеологии, паремиологии, этнографии, версификации (в том числе рождественского вертепа — батлейки) и белорусской поэтики иезуитского барокко саксонского периода (...)», — пишут авторы биографической справки. Вот Михал Корицкий (Mihalis Corytius) — «наиболее известный писавший по-латыни белорусский поэт эпохи Просвещения. Родился в шляхетской семье в фольварке Дитрики Лидского уезда. Учился в иезуитской коллегии в Бобруйске». Иезуит, «был профессором философии, поэтики и риторики в коллегиях Минска, Слуцка, Пинска, Варшавы, Дрогичина, Несвижа, а также в Виленской академии — здесь среди его учеников был Адам Нарушевич». В биографической справке о последнем содержатся также методологические замечания, касающиеся критерия включения данных авторов в «национальные» антологии в странах многонациональной культуры. Происхождение, самоидентификация (разумеется, не в современной терминологии) литераторов давних времен, язык произведений — это важные, но не решающие критерии. «Наиболее разумным будет иногда причислить поэта одновременно к двум литературным традициям (не „литературам“, границы которых определяет язык), поскольку обе традиции такая „личная уния“ может скорее обогатить, чем обеднить. Выделение, определение границ и строгое описание творческой белорусской традиции в границах польской литературы — дело будущего; здесь исследователя определенно ждет много открытий, которые скажутся на понимании сущностных устремлений обеих литератур». Используя в данной рецензии метафору «пути», добавлю, что любопытно будет исследовать не только главные дороги, но и «дорожки», «тропинки» и «стежки», которые вели писателей, происходивших из мест с многонациональной культурой и пользовавшихся этим наследием в своем творчестве. А потому в антологии белорусской (и литовской) поэзии полноправно могут присутствовать уже названные мною польские поэты, но также и Адам Нарушевич, Францишек Дионисий Княжнин, Адам Мицкевич, Ян Чечёт, Томаш Зан, Юлиан Корсак, Владислав Сырокомля (Людвик Кондратович)... Главный путь для них был польским, но каждый по-своему проходил белорусские или литовские «тропки»; при этом довольно часто белорусские следы скрыты под широким названием «Литва», «литовский», «литвины»... Следует особо отметить, что с белорусской или литовской стороны здесь нет «завладения» поляками, как нет в этом никакого «ущерба» и для нас и

нашего культурного богатства. Философия и практика «дорог» и «тропок» может нас только обогатить!

Разумеется, в антологии представлены прежде всего те, для которых главным путем был белорусский и кто сознательно пользовался (старо-) белорусским языком. И здесь мы встретим Франциска Скорину (Францишек Скарына), который родился в купеческой семье в Полоцке и стал настоящим европейцем, жившим в Кракове, Падуе, Праге, Вильно, Познани и Кенигсберге. Встретим — словно для равновесия — Симеона Полоцкого, униата, который сначала учился в киевской Могилианской коллегии, потом в иезуитской Виленской академии, чтобы в результате принять православие, обосноваться в Москве, став «первым профессиональным русским писателем». Приверженец самодержавия, что не помешало, впрочем, его устремлениям к гуманистической культуре. Коль скоро мы оказались в России, то отметим, что в биографической справке о Ф.Д.Княжнине («принадлежал к полонизированной ветви белорусской шляхты из Смоленщины») найдем примечание: «К обрусевшей ветви этого рода принадлежит известный русский поэт и драматург Яков Княжнин (...)»; это пример вдумчивого внимания авторов антологии к вопросам национальной идентичности, что — в конечном счете — зависело (и зависит) от личного выбора... На который каждый имеет право!

В рецензируемой книге прекрасно прослежены не только процессы полонизации белорусской шляхты, но и память о семейных и культурно-языковых корнях, что со временем у некоторых приводит к сознательному формированию индивидуальной и коллективной белорусской идентичности — уже не только народно-этнографической, но и национальной в современном смысле этого слова. Винценты (Винцент) Дунин-Марцинкевич считал себя поляком, настолько помнящим о родной земле («Родился в фольварке Панюшкевичи Бобруйского уезда»), что во время восстания 1863 года писал прокламации на белорусском языке и редактировал белорусскую газету для крестьян. Писал по-польски и по-белорусски, первым перевел «Пана Тадеуша» А.Мицкевича. «Близкими друзьями писателя были Сырокомля и Монюшко, который написал несколько произведений по его либретто (...)». Участником того же восстания был и Францишек Богушевич, который много позже издал в Кракове (1891) под именем Матей Бурачок свою «Дудку белорусскую», предисловие к которой, как пишут авторы биографической справки, «является манифестом белорусской национальной идентичности (...)».

Мария Конопницкая в письме Теофилу Ленартовичу от 18 октября 1888 г. так писала о польской жизни в Гродно: «Ах, Гродно, Боже сохрани! Мог бы этот Неман слезами течь — не было бы чуда. Людей слишком мало, жизнь слишком тяжкая, сердца слишком слабые, то, что там рождается когда-то в народе, — это будет не Польша и Литва, но Белоруссия. Исторические черты время и неволя сотрут, этнографические черты останутся». Пророческие слова! А вот Леон Василевский, социалист национально-освободительного толка и демократ, серьезный знаток национальной проблематики, так говорил в 1901 году: «Еще вопрос, образуется ли когда-нибудь самостоятельная белорусская нация». Тот же автор, уж никак не польский националист, позволил себе считать, что белорусы — это только «сырой этнографический материал для формовки русскими и/или поляками». И вот в Вильне появляется газета «Наша нива», и на этой ниве, колосок к колоску, вызревает белорусская литература и белорусское национальное сознание. И такая высокого класса поэзия, как стихи Максима Богдановича. Вторую часть антологии открывает Янка Купала (Ян Луцевич), и с ним, а также с Якубом Коласом (Константин Мицкевич) вступаем мы в драматические, даже трагические годы: провозглашение Белорусской Народной Республики, раздел белорусских земель, Советская Белоруссия — сначала развитие просвещения и культуры, очень скоро обвинения в «буржуазном национализме», аресты, ссылки, расстрелы и «золотая клетка» сталинского режима (как пишет Лявон Борщевский во вступительной статье). Литература и политика. Вацлав Ластовский, один из основателей Белорусской Народной Республики, ее премьер (1919–1923), в 1927 г. вернулся в советскую Белоруссию, вскоре был арестован, сослан в глубь России. «В сентябре 1937 г. как „агент польской разведки“ был повторно арестован и расстрелян большевистскими палачами». Название его стихотворения стало названием данной антологии. Жестокая война, вновь упорные попытки обрести белорусскую национальную органичность, вновь тюрьмы, лагеря, вновь Ленинские премии... Максим Танк (Явген Скурко): польская общеобразовательная школа, а через некоторое время наши тюрьмы за слишком уж деятельное участие в коммунистическом движении; в едва ставшем независимым от Польши Вильнюсе издал первый сборник стихов — конфискован властями. После войны важная фигура официальной литературной и политической жизни. Иногда стремился помогать тем, кого не жаловал официальный режим (это отмечено в некоторых биографических справках). Решительно на стороне властей, но... некоторые его стихи, представленные в антологии, оправданы художественной

правдой, безусловны его заслуги как переводчика польской поэзии.

Запутанные судьбы. Тодор Лебеда (Петр Широков). Его пьеса была поставлена в оккупированном Минске в 1943 г., за что заплатил обвинением в коллаборационизме и многими годами лагерей. Лариса Гениуш некоторое время жила в Праге, хранила архив правительства Белорусской Народной Республики, арестована и обвинена вместе с мужем «в сотрудничестве с „мировой буржуазией“, а также в „измене Родине“ (т.е. Советскому Союзу, гражданами которого они никогда не были) во время войны». Много лет провели в лагерях. После освобождения «поэтесса так и не приняла советского гражданства, что не давало ей возможности найти какую-либо работу». Супругам не разрешили переехать в Белосток к сыну Юрию, поэту и врачу. Михась Стрельцов в 1982 г., «будучи уже известным писателем, был помещен в „лечебно-трудовой профилакторий“ в Мозыре», где написал книгу «Свет мой ясный» (1986); вскоре умер. В антологии помещены также стихи поэтов, живущих в эмиграции в США; среди них Наталья Арсеньева, русская по происхождению (ее переводил в «Культуре» в 1951 г. Юзеф Лободовский, а также Масей Седнёв и Янка Юхнавец. Представлены и стихи Надежды Артымович, наиболее известной и ценимой поэтессы, живущей в Польше.

В заключение назовем еще запоминающиеся стихи, увы, уже ушедшего из жизни Анатолия Сыса и с надлежащим почтением упомянем таких выдающихся поэтов, как Ригор Бородулин, Алесь Разанов, Владимир Орлов, Андрей Хаданович. Долгих вам лет! В добрый путь!

P.S. Я счастлив, что мог как вице-министр культуры (осень 1989 — осень 1997) и директор Национальной библиотеки (июнь 1998 — март 2007) содействовать усилиям белорусских демократов, направленным на пользу своей культуре, являющейся органической частью европейской культуры. Видел и слышал расцветающую «белорусскость». Этого у меня никому не отнять. Это моя собственная укромная тропка.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Сейм объявил 2009 год Годом Юлиуша Словацкого. В этом году исполняется 200 лет со дня рождения и 160 лет со дня смерти великого польского поэта-романтика. Автор таких известных произведений, как «Кордиан», «Балладина» и «Бенёвский», родился 4 сентября 1809 г. в Кременце, а умер 3 апреля 1849 г. в Париже.

«Наш долг — почтить одного из крупнейших поэтов в польской истории и напомнить о нем. Его творчество открыто к миру и другим культурам, но не чуждается локальных тем, связывает польскую культуру и историю с древнегреческой цивилизацией, полно фантазии и провидчества» — подчеркивается в резолюции Сейма.

• 2009 год — это также Год Ежи Гротовского, режиссёра, реформатора театра, практика и исследователя культуры. Юбилейные торжества проходят под эгидой ЮНЕСКО. В этом году исполняется 10 лет со дня смерти режиссера, 50 лет с того времени, как он и Людвик Фляшен возглавили «Театр 13 рядов» в Ополе (позднейший Театр-Лабораторию), и 25 лет со времени самороспуска Театра-Лаборатории. Во Вроцлав на открытие Года Гротовского приехали, в частности, всемирно известный английский театральный режиссёр Питер Брук, антрополог культуры проф. Рихард Шехнер и Людвик Фляшен, создававший вместе с Гротовским Театр-Лабораторию.

В программе Года Гротовского предусмотрены многие художественные и научные мероприятия — конференции, выставки и инсталляции, практические семинары и встречи во Вроцлаве, Кракове и Варшаве, а также в США, Дании, Германии, Чехии, Австрии, Великобритании, Франции, Италии и на Кубе. Планируются также два фестиваля.

В начале апреля во Вроцлаве будет проходить фестиваль «Premio Europa per il Teatro», во время которого Кристиану Люпе будет вручена Европейская театральная премия.

В июне на фестиваль «Мир — место правды» во Вроцлав съедутся со своими спектаклями, в частности, Эудженио Барба, Пина Бауш, Питер Брук, Алвис Херманис, Кристиан Люпа, Рихард Шехнер, Влодзимеж Станевский, Кшиштоф Варликовский.

Легендарный Театр-Лаборатория дал только две официальные премьеры: «Стойкий принц» и «Apocalypsis cum Figuris». Однако, как вспоминает Ярослав Фрет, директор вроцлавского Института им. Ежи Гротовского, в 60-е годы это была полная революция, отрицание всего, что до тех пор знала публика.

• Кшиштоф Занусси поставил в варшавском театре «Полония» «Ромула Великого» Фридриха Дюрренматта. В главной роли — Януш Гайос. Не для того ли обратился Занусси к этой пьесе швейцарского драматурга, написанной более полувека назад и рассказывающей об упадке Римской империи, чтобы представить Европу в состоянии упадка?

— Когда мы видим, как американцы нарушают закон в Гуантанамо, защищаясь от терроризма, мы ощущаем душевный разлад, — сказал режиссёр в интервью газете «Жечпосполита». — Но для Европы источником самого глубокого душевного разлада остается то, что она не до конца рассчиталась с одним из крупнейших своих поражений — с коммунизмом. Отсюда вытекает отсутствие веры, цинизм, нигилизм.

Дюрренматт, ощущая себя наследником немецких культурных традиций, в 40-е годы написал пьесу об истоках и последствиях тоталитаризма Третьего Рейха. Немцев вынудила критически осмыслять свое прошлое англо-американская оккупация. А вот во Франции и Италии аналогичные идеологии не получили должной оценки. Преклонение перед самой страшной формой коммунизма, какой был сталинизм, продолжает оставаться безнаказанным. Признаться сегодня в том, что дед или отец были нацистами, — нечто ужасно болезненное. Но то, что он был сталинистом или поддерживал Пол Пота, воспринимается как невинная ошибка. Молодые немцы ездят на места нацистских преступлений и стараются узнать об этом как можно больше, но приверженцы Сталина или их потомки и не думают совершить покаянный путь на Колыму или в Камбоджу — чтобы хотя бы символически осудить предательство идеалов Европы, допущенное во имя лживой, античеловеческой идеи.

• 29 января вышел давно ожидавшийся новый сборник стихов Виславы Шимборской «Здесь» — третий со времени присуждения ей Нобелевской премии. В него входят 19 стихотворений нобелевского лауреата. Краковское издательство «Знак», выпустившее сборник, так уговаривает нас читать философские стихи Шимборской: «Несмотря на то, что многие стихотворения представляют собой небольшие философские трактаты, они отнюдь не превращаются в абстрактные интеллектуальные спекуляции. В них говорится о

мучительно горьком жизненном опыте современного человека: о терактах, разводах, опознании останков жертв крушения самолетов... Но еще и о сути и тайне снов, о памяти, о процессе возникновения стихотворения. О тех, кого поэтесса любит больше всего: о Вермеере и Элле Фицджеральд. О путешествиях (ещё одно важное ключевое слово) — в пространстве (и за пределы пространства), но еще охотнее во времени. О чудесном путешествии в дилижансе с Юлиушем Словацким.

• 23 января исполнилось два года со дня смерти Рышарда Капустинского, великого репортера и писателя, замечательного человека. „В нем было что-то от Кандида, Швейка и Тиля Уленшпигеля, — написал о Капустинском известный английский эссеист и переводчик Майкл Хофман на страницах журнала «Ньюсуик». — Его репортажи выдерживают сравнение с прозой Беккета и Кафки. К книгам Капустинского я всегда обращался сразу же, как только они выходили по-английски: «Императора», «Шахиншаха» и «Еще один день жизни» я прочитал в 80 е годы, «Футбольную войну» и «Империю» — в 90 е, а «Черное дерево» и «Путешествия с Геродотом» — уже в нынешнем веке. Его тексты несут в себе важное послание современникам, они особенно актуальны и требуют немедленного прочтения. Но в них есть и нечто большее, и я не раз возвращаюсь к некогда прочитанным книгам. Это лучшее свидетельство их устойчивого, внушающего доверие качества, и где-то там, за этими книгами, мне слышится его голос, который зовёт меня и притягивает — что-то вроде «Радио Капустинского»”.

• Премию им. Рышарда Капустинского, учрежденную маршалом Великопольского воеводства, получил в этом году Стефан Братковский, известный журналист и публицист. Братковский родился в 1934 г. во Вроцлаве. По образованию юрист, по профессии журналист и публицист. Был председателем Союза польских журналистов, одним из организаторов «Газеты выборчей», постоянным автором колонки в газете «Жечпосполита». Братковский — лауреат многих премий, автор полутора десятков книг. Среди них — «Господин Великий Новгород» (1999), рассказ об истории средневекового Новгорода — богатой купеческой республики, уничтоженной в 1570 г. опричниками Ивана Грозного.

Премию — статуэтку в виде крыльев ангела — публицисту вручила вдова Рышарда Капустинского Алиция, сказавшая при вручении: «Пусть эта премия имени человека, который хотел, чтобы награждали тех, кто творит добро, достанется человеку,

который творит добро своей публицистической работой на благо гражданского общества».

• Журнал «Политика» в 16-й раз присудил деятелям культуры свои традиционные премии — «Паспорта». Торжественное вручение состоялось в Национальном театре. Премии «Политики» получили: Сильвия Хутник, автор книги-дебюта «Карманный атлас женщин» — за «исключительный литературный слух, умение увидеть город с изнанки и портреты людей, описанные с удивительной проникновенностью (литература); Малгожата Шумовская, режиссёр фильма «33 сцены из жизни» — за «волнующую, глубокую психологическую картину своих экзистенциальных переживаний, которые приобретают на экране универсальный характер» (кино); Мария Пешек — за пластинку «Мария Авария» (популярная музыка); Мацей Курак — за пространственные аранжировки (визуальное искусство); Павел Лысак, директор Польского театра в Быдгоще — за последовательность в выборе трудного репертуара (театр); баритон Артур Рутинский — за «огромный талант и умение разумно и последовательно строить карьеру» (классическая музыка). Особым титулом «Творца культуры» награжден в этом году Кристиан Люпа, выдающийся режиссер, воспитатель нескольких поколений театральных актеров.

• «Да сгинут мужчины» — такое название носит выставка, которую варшавский Центр современного искусства «Уяздовский замок» подготовил к 30 летию художественной группы «Лодзь Калишская».

Новый проект этой группы возник под влиянием того аспекта современной культуры, который получил название «гендерность» или «феминизм». «Выставка, — написано в приглашении, — состоит из крупноформатных фотографий, представляющих женщин таких профессий, в которых женщины в Польше еще не работают, например при укладывании битумной поверхности строящейся дороги или выработке каменных блоков в каменоломнях. Представлено 14 тем, и все вместе они создают чрезвычайно любопытную картину абсурдного футуризма, соединенного со всеобъемлющим феминизмом. Женщины на фотографиях изображены обнаженными, как на картинах классической романтической и символической живописи».

Кроме впервые показанного цикла «Да сгинут мужчины» на выставке в ЦСИ представлены избранные работы, представляющие 30 летнее творчество нетрадиционной

группы перформеров, у которой есть свои поклонники и непримиримые критики. Выставка открыта до 1 марта.

- Свое 80-летие отпраздновала в январе Ванда Вилкомирская, легенда польского скрипичного исполнительства. Родом она из известной варшавской музыкальной семьи. Учиться игре на скрипке начала в возрасте пяти лет у своего деда Альфреда Вилкомирского. Выдающимся музыкантом и педагогом был и ее отец Казимеж Вилкомирский, виолончелист и дирижер. На протяжении 22 лет Ванда Вилкомирская концертировала с оркестром Национальной филармонии по Польше и по всему миру. Она была первой исполнительницей сложных сочинений современных композиторов — Гражины Бацевич, Тадеуша Бэрда, Кшиштофа Пендерецкого. Выступала с крупнейшими знаменитостями музыкальной сцены, в том числе с Отто Клемперером, Леонардом Бернштайном и Куртом Мазуром.

В связи с юбилеем в зале варшавской Национальной филармонии состоялся концерт польских музыкантов, посвященный Ванде Вилкомирской. Дирижировал Антоний Вит, а играли в честь юбилярши, в частности, Кая Данчовская, Константы Анджей Кулька, Томаш Штраль и Рафал Квятковский.

- Первый канал Польского телевидения показал документальный фильм «Я вам это сыграю», посвященный Ванде Вилкомирской и всему поколению, относящемуся к труднейшей, но — если говорить словами одного из внуков скрипачки — «лучшей эпохе».

Ванда Вилкомирская была первой женой Мечислава Раковского, главного редактора «Политики», ставшего позднее премьер-министром (скончался в 2008). Родила от него двух сыновей.

Рекомендуя своим читателям этот документальный телефильм, газета «Дзенник» так описала этот эпизод из биографии скрипачки: «Всё началось с мезальянса: на свадьбу девушки из семьи довоенных интеллигентов, отличавшихся сильными католическими и патриотическими традициями, с высокопоставленным деятелем ПОРП пришли только мать и сестра. Впрочем, Вилкомирская по своему выбору, а не из конформизма восприняла марксистское мировоззрение мужа и стала живой иконой официальной пропаганды. Когда в середине 70-х ей открылось лицемерие системы, она стала демонстративно выражать свою оппозиционность. После введения военного положения она отважилась подписать известное письмо представителей интеллигенции премьер-

министру, а вспоминает об этом в картине другой «подписант» этого письма Даниэль Ольбрыхский. Польшу она оставила лишь после того, как рассталась с мужем».

В настоящее время Ванда Вилкомирская живет в Австралии, ведет класс в Сиднейской консерватории, соединяя преподавательскую работу с концертной деятельностью. Играет она на венецианской скрипке Пьетро Гварнери, сделанной в 1734 году.

• Кристиан Цимерман в феврале впервые за последние десять лет отправится в турне по Польше. Он выступит в пяти городах, где будет играть исключительно сочинения Гражины Бацевич. В этом году исполняется сто лет со дня рождения выдающегося композитора и скрипачки (умерла в 1969). Ее 2 ю сонату пианист играет с давних времен, теперь она дополнится двумя фортепьянными квинтетами. Вместе с Цимерманом будет выступать скрипачка Кая Данчовская и трое необычайно талантливых молодых музыкантов: Агата Шимчевская (скрипка), Рышард Гроблевский (альт) и Рафал Квятковский (виолончель). Турне Цимермана будет весьма нетрадиционным. Лишь в самом начале, в Лодзи, музыкант выступит в зале филармонии. Остальные концерты будут проходить в вузовских центрах: в Auditorium Maximum Варшавского университета, в Большой аудитории Познанского университета им. Адама Мицкевича, в Auditorium Maximum краковского Ягеллонского университета и в завершение турне — в Музыкальной академии в Катовице, где Цимерман учился.

• Серия грустных прощаний. 8 января в Варшаве на 85 м году жизни скончался Земовит Федецкий, знаменитый переводчик и славист. В 1948–1950 гг. он возглавлял редакцию русской литературы в издательстве «Читательник». В 1954 г. был одним из основателей Студенческого театра сатириков, для которого вместе с Анджеем Ярецким писал тексты кабаре (гражданские оперетты «Марш в угол!»). С 1950 г. он был постоянным сотрудником журнала «Творчество». Велики заслуги Федецкого в культурном сближении Польши и России. Он переводил русскую прозу и поэзию, в частности, произведения Куприна, Тынянова, Булгакова, Трифонова, Заболоцкого, Есенина, Цветаевой, Бабея, Пастернака, Окуджавы, Высоцкого.

Федецкий был дипломатом в Москве, много позже — московским корреспондентом газеты «Жечпосполита». Во время послевоенной травли «космополитов» в СССР Федецкий, в то время пресс-атташе польского посольства, какое-то время материально поддерживал Бориса Пастернака и его семью. Благодарный поэт передал ему машинописную копию «Доктора

Живаго». Так в 1957 г. в Польше, в журнале «Опинье» («Мнения»), финансируемом Обществом польско-советской дружбы, впервые в мире был напечатан отрывок из романа (журнал вскоре закрыли). Во время пребывания в СССР в 60-е годы Федецкий отыскал машинопись еще не напечатанного «Театрального романа» Булгакова и перевел. За публикации Бабеля и Цветаевой «Литературная газета» назвала его эксгуматором псевдолитературы. Анна Жебровская из «Газеты выборчей», как бы возражая на это давнее обвинение, пишет, что он «познакомился в России со всеми, с кем стоило познакомиться». В 2001 г. за переводы русской, белорусской и французской литературы Земовит Федецкий удостоился премии польского ПЕН-клуба.

• 11 января в Варшаве на 92-м году жизни скончалась Иоанна Гузе, прекрасная переводчица французской литературы и популяризатор искусства. Она переводила, в частности Проспера Мериме, Шарля Нодье, Стендаля и Шатобриана. Перевела она и романы Жюль Верна, «Трёх мушкетеров» Александра Дюма, работы о творчестве Шарля Бодлера и Поля Валери. С русского языка она перевела «Отцы и дети» Ивана Тургенева. Однако прежде всего Иоанна Гузе была известна как переводчик произведений Альбера Камю. Сначала она перевела «Чуму». Камю, заинтересовавшийся польским переводом, обратился за оценкой к Юзефу Чапскому — его оценка была самой высокой. Тогда писатель рекомендовал Иоанну Гузе ПИВу (Госиздату) как переводчицу других своих книг. Иоанна Гузе выпустила также сборники очерков по истории искусства, в том числе «Импрессионисты», «Пути искусства», «Лица с портретов», «Среди героев кино» и «Диалоги с искусством».

— Она была одной из лучших переводчиц с французского, наследницей традиций, согласно которым переводчик — это художник, а не ремесленник; писатель, чья позиция почти равнозначна позиции автора книги, — сказал после смерти Иоанны Гузе директор варшавского Музея литературы Януш Одровонж-Пенёнжек.

• 14 января в Варшаве умерла после тяжелой болезни Марианна Гдовская. Выпускница актерского факультета краковской Государственной высшей театральной школы (1954), она всю свою жизнь посвятила театру. В 1955 г. выступала в гданьском театре «Выбжеже» («Побережье»). Затем была актрисой Народного театра в Новой Гуте — рабочем предместье Кракова (1955–1964) и варшавского Польского театра (1965–1971). К ее лучшим ролям относится Турандот в «Принцессе Турандот» Карло Гоцци, которую она исполняла в переполненном

театральном зале Новой Гуты (1956), там же она сыграла в «Слуге двух господ», «Герое нашего мира» и «Похищении в Тютюрлистане». Газета «Глос Новей Гуты» писала в то время о любимой актрисе: «Она очень ценит зрителей Новой Гуты, которые невероятно живо реагируют на происходящее, проявляют сердечность и симпатию. В частной жизни обаятельная актриса любит книги, в свободные минуты охотно посещает кино, но главная её любовь — театр».

В 70-е годы Марианна Гдовская занялась научной работой, став автором и редактором «Биографического словаря польского театра». Она была женой известного историка театра и издателя Ежи Тимошевича.

АННА РАДЗИВИЛЛ

Ее отцом был Кшиштоф Миколай Радзивилл, прозванный «красным князем» за то, что в худшие годы сталинизма он был депутатом Сейма ПНР. Когда в 1981 г. Анна была председателем группы экспертов «Солидарности» на переговорах с пээнэровским министерством образования на тему изменения программы по истории, она добилась исключения из школьных учебников «катынской лжи», приписывающей катынское преступление немцам. Она прямо и без обиняков говорила коммунистическим чиновникам: «Нельзя учить детей лжи».

После введения 13 декабря 1981 г. военного положения, которое должно было задушить «Солидарность», Анну уволили из лицея, где она с 1970 г. преподавала историю. Тогда она стала работать в Комитете помощи заключенным и их семьям при примасе Польши, в подполье составляла «Тетради национального образования», издававшиеся Группой независимого просвещения. Анна была соавтором одного из первых учебников, очищавших ото лжи новейшую историю Польши, который был напечатан в неподцензурном издательстве. В 1989 г., после первых, наполовину свободных выборов, она стала сенатором от «Солидарности», а затем замминистра образования в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого. «Именно она была главным автором первого в Третьей Речи Посполитой закона о системе образования, который был принят в 1991 году. Благодаря ее трудам постепенно удалось преодолеть самые абсурдные реликты пээнэровского образования, — говорит министр образования в правительстве Ежи Бузека Мирослав Хандке. — Она была моим главным советником. Я называл ее „княгиней“, она меня — „сыном ремесленника“». «Она никогда не старалась играть главную роль, но, возможно, именно благодаря этому, играла ее», — говорит об Анне Мирослав Савицкий, еще один министр образования — на этот раз из правительства Марека Бельки. В ее помощи и советах нуждались многие министры, независимо от того, какая партия была у власти, ибо в своей работе Анна руководствовалась прежде всего действительностью, с которой сталкивалась, фактами и аргументами, и ей было неважно, какая из сторон эти аргументы приводит. При этом она не догматизировала и свои собственные убеждения. Она была прагматиком. Так, будучи принципиальной противницей

передачи школ органам местного самоуправления, она соглашалась с необходимостью такого шага; относясь с недоверием к частным и общественным школам, допускала их создание. Парадоксом было то, что хотя по натуре она была консерватором и иногда занимала даже слишком крайние позиции, самые большие возможности действовать ей представились (и были старательно ею использованы) в период великих преобразований и реформ. В ходе дискуссии о положении учителей она могла сказать: «Учителю нужны мел и доска. И больше ничего». Она смотрела на учителей сквозь призму собственного равнодушия, трудолюбия и знаний. «Она всегда требовала от себя больше, чем от других», — говорит Савицкий, ее бывший ученик. Может быть, именно благодаря ее консерватизму, внимательному отношению к действительности, которую ей приходилось преображать, и большой осторожности, с которой она это делала, Анна была нужна всем, независимо от политических колебаний и трений.

Во время работы над проектом первого закона о системе образования, которая велась в группе министра Генрика Самсоновича, мы размышляли над главной идеей школьного воспитания. Ранее, в ходе «круглого стола», коммунисты обвинили нас в том, что, стремясь исключить из программы «социалистическое воспитание» (основанное на прекрасных принципах!), мы лишим школу компаса, направления, необходимого в воспитательной работе. Тогда ответом с нашей стороны стало предложение воспитывать молодежь в духе Всеобщей декларации прав человека. Такое предложение просто нельзя было отвергнуть! И теперь именно декларация прав человека должна была стать законодательно установленной главной идеей новой школы. Неожиданно Анна запротестовала: «Не делайте этого! Никакой идеологии! Вот увидите, что будет». Однако она не стала обосновывать свое мнение, не привела ни одного аргумента. Если даже коммунисты за «круглым столом» не смогли ничего возразить против Всеобщей декларации прав человека, то чем могло грозить упоминание о ней в свободной стране? Однако Анна была непреклонна: «Увидите, чем это кончится», — повторяла она. В конце концов упоминание о Всеобщей декларации прав человека было вписано в законопроект. В Сейме экс-коммунисты не возражали против него. Однако большинство депутатов и сенаторов от «Солидарности» потребовало внести в закон дополнительное упоминание о христианских ценностях — разумеется, помимо декларации прав человека. Им было неважно, что в стране есть нехристианские религиозные меньшинства, неверующие, агностики, атеисты. Они были глухи ко всем аргументам. Дискуссия постепенно

превращалась в спор, кто фанатичнее, не лишенный лицемерия и даже цинизма. И вот — свершилось: воспитание в духе христианских ценностей было принято вместо «социалистического воспитания».

Не это ли предвидела и не этого ли боялась Анна Радзивилл? Вероятно, такой оборот дела подсказывали ей как опыт прошлого, так и характерная для нее необыкновенная восприимчивость к окружающей действительности — в том числе и скрытой, таящейся под поверхностью публичной жизни. Должно быть, она видела эту дискуссию и ее кулисы глазами воображения. Но если это так, то... прости, Анна, почему ты тогда об этом не сказала?

Автор, как и Анна Радзивилл, был замминистра образования в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Кшиштоф Чижевский из тех, кто понимает, что большой путь — это сумма малых шагов. В интервью, которое опубликовано в посвященном ему номере журнала «Нове ксёнжки» («Новые книги», 2008, №11), он называет себя «человеком малых чисел»:

«Я коплю силы и энергию в узком кругу, среди небольших групп, в непосредственном контакте с людьми, когда в работе можно сохранить условия определенной интимности. Но верю, что сила малого числа не исчерпывается быстро, как в случаях действий, основанных на больших числах, — и сила сохраняется, она реальна, хотя статистически это трудно учесть. Более того, она обладает способностью распространиться на другие места, другую среду, других людей. (...) Это позволяет верить, что я не на необитаемом острове или занят элитарным делом. Что нечто скромное, малого масштаба, может быть фактором подлинной демократии, которая не стремится к централизации, к массовости, но основывается на многих центрах, подразумевает множественную субъектность».

Чижевский, связанный когда-то с познанским, в ту пору студенческим (сегодня уже профессиональным) «Театром восьмого дня» и театром «Гардзинице», выросшими из «Театра-Лаборатории» Ежи Гротовского, в конце 1989 года поехал в Сейны — маленький городок на польско-литовской границе, где основал «Фонд пограничья», сначала небольшую неправительственную организацию, целью которой было налаживание культурного диалога. За свою деятельность, в частности, за заслуги газеты «Красногруд», Ежи Гедройц отметил его премией парижской «Культуры». Со временем Сейны стали местом встреч людей, для которых идея диалога — фундамент их мышления; организуемые здесь конференции, идущие отсюда культурные инициативы, всё более крупная издательская деятельность привели к тому, что маленький городок стал одним из важнейших мест на культурной карте не только Польши, но и значительного пространства, которое Станислав Винценз нарек Междуморьем, — пространства между Балтикой и Адриатикой,

многоязыкого и многоконфессионального мира подвижных границ, возникающих и исчезающих государств. Фонд присуждает титул «Человека пограничья», которого были удостоены польский писатель Ежи Фицовский, украинский политолог Богдан Осадчук, литовский поэт Томас Венцлова, эстонский композитор Арво Пярт. Сам Чижевский — талантливый писатель, о чем свидетельствуют его прозаическая поэма «Тропа пограничья», а также недавно вышедшая книга эссе «Линия поворота».

«Следует отметить, — говорит Чижевский в упомянутом интервью, — что если пограничье рассматривается в академических категориях, то как пространство бесконечных конфликтов, драм, ненависти. Я часто встречался с подходом, базирующимся на темной, негативной стороне пограничья. Скажу больше: сложившийся язык гуманитарной мысли на эту тему и позволяет говорить только об этой стороне. Трудно даже просто поименовать явления, которые должны быть приняты позитивно. У меня иные проблемы. Я не высказываюсь в русле академического дискурса — о пограничье как предмете исследования. Я живу в этой среде. Это обстоятельство очень многое меняет: чтобы жить в этом мире, находить в нем свое место и строить свое будущее, необходимо искать в нем позитивный потенциал. Я и мои друзья должны были этому научиться, потому что это вопрос практики и бытия, и быта. Оказалось, что это возможно и по отношению к прошлому, даже там, где трагедия кажется судьбой. Сейны — это как раз такое место. Но и здесь, и в других местах пограничья, где мы работали, мы все же добирались до того, что я называю «доброй памятью». Она живет в каждом, даже в человеке, одержимом воспоминаниями о драматичных конфликтах прошлого, она является частью его существа, но с трудом находит выход. (...) Задача строителя мостов — это создать пространство встречи, высвободить добрую память, найти слова для наименования того, что позитивно. В этом в значительной мере и заключается моя работа. Это не значит, что я не касаюсь больных мест. Я не имел бы права работать, если бы этого не делал, но не ограничиваюсь этим, иду дальше».

В развитие этой мысли Чижевский добавляет:

«Кто такие строители мостов? Это кто-то, кто живет на берегу реки. То же и на пограничье, но не только, ибо такова вообще природа человека. Каждый человек живет у реки и хочет ее пересечь, добраться до другого берега. Его жизнь не состоялась, пока он этого не сделал, — только потому, что река течет и зовет пересечь ее, переправиться на ту сторону, встретиться с

другим. Мы никогда не будем собой в полной мере, если этого не возжаждем. Отсюда и сила строителя мостов. А коли так мы, люди, устроены, то в своей работе я всегда могу обратиться к чему-то, что есть в каждом человеке — будь он фундаменталист, или националист, или каких бы то ни было взглядов, с какими бы то ни было историческими травмами. В каждом есть струна, которая отзовется на прикосновение — грустью одиночества или потребностью встречи, выходом из своей «скорлупы» на другую сторону. Я работаю не только с решительными приверженцами терпимости, но с людьми разных взглядов, часто именно с националистами или одержимыми ненавистью к соседу, но есть и у них струна, которая может отозваться. (...) Пограничье — это стихия, и надо знать ее реальности. Ее не впишешь в идиллическую картинку, не укротишь иллюзиями бесконфликтности. (...) Я не знаю пограничья, которое бы построило мост раз и навсегда: мосты там время от времени рушатся или закрываются. (...) Мост разрушен — и приходится думать, как его отстроить, чтобы жизнь была вообще возможна. Не знаю общества, которое жило бы только по одну сторону реки. То же с границами и человеческим общежитием. К реалиям пограничья относится то, что наступает время, когда границы надо подчеркнуть, когда людей нужно разделить, когда мою работу, мой цех, мой станок надо остановить. И сказать себе: не сейчас, придется подождать. И даже заняться чем-то другим — помочь людям жить по отдельности, потому что того требует ситуация. И это реальность пограничья. Это надо знать. Иначе не построить мост, не приготовить под него площадку».

Затем, словно переходя к обычному порядку вещей после этой переходной ситуации, Чижевский очерчивает перспективы более отдаленного будущего:

«Когда-то было нормой решать конфликты на пограничье военным путем. Но это время прошло. Старые методы могут еще иногда возвращаться, но сегодня видно, что на пограничьях решающим становится голос людей, живущих в данном регионе. Их мнение сегодня мы еще не умеем принять в наших политических категориях. Ситуацию в Грузии мы понимаем как конфликт между государствами, Россией и Грузией, и никто, в общем-то, не спрашивает, что сами люди, живущие там: осетины, грузины, русские, — об этом думают. Но рано или поздно именно они сформируют политическую картину этого региона. Так произошло в Косове, то же самое происходит на израильско-палестинском пограничье. Все меньше возможностей, чтобы государства и армии решали за людей, с кем и в каких структурах им жить. Нам все еще трудно

свыкнуться с этой мыслью. Когда? еще говорили о праве наций на самоопределение! Но и сегодня мы всё боимся прецедентов независимости очередных автономных провинций. В конце концов, решающим будет то, как захотят построить свои отношения сами жители регионов — если, понятно, мы стремимся к демократии. Вот парадокс: прилагаются усилия задействовать демократические механизмы и одновременно применяются решения родом из другой эпохи. (...) В том, что я делаю, говорю, пишу, я постоянно подчеркиваю, что мы живем в новую эру, эру диалога, который бросает нам совершенно новые вызовы. (...) Рышард Капустинский, который интересовался тем, что мы делаем в Сейнах, спрашивал меня, можно ли нашу работу перенести на другие пограничья, может ли она преобразоваться в некое движение, можно ли сделать нашу практику повсеместной. Думаю, что в этом ремесле есть и нечто универсальное: строитель мостов может переезжать с места на место. Но не может привезти с собой мост. Существуют определенные знания, но важная часть этих знаний — то, что материал для строительства моста в данном месте можно добыть только в этом месте».

Один из основных материалов в этом ремесле — слово, поэтому столь важную роль фонд придает издательской деятельности и переводам литературы:

«Слово — очень важный аспект моей работы. И что особенно интересно: слово подлежит переводу — и нужно, и можно это делать. Вот в чем роль переводчика: он помогает сделать наш мир доступным для других. Следует, однако, добавить, что хороший переводчик должен сегодня обладать не только знанием языков, но и культурной компетентностью, способностью оперировать в двух разных культурах».

Переводческие курсы занимают прочные позиции в программе фонда на ближайшие годы, о чем говорится в проекте создания «педагогической провинции» в бывшем имении семьи Чеслава Милоша в Красногруде:

«Мы планируем постепенно создать там лаборатории межкультурных связей, с художественными мастерскими и библиотекой, в новой форме объединяющие образование с искусством, открытые к новой философской мысли и прагматическому действию. Это будет место как для мастеров строительства мостов, так и для адептов этого искусства из разных стран. Мы готовы к этому».

В пространстве пограничья действует и культурное сообщество «Боруссия» в Ольштыне, также основанное после

политического перелома 1989 года. Сообщество издает ежеквартальный журнал «Боруссия», редактор которого, Казимеж Браконекский, тоже был лауреатом премии парижской «Культуры». В последнем номере журнала (сейчас его редактирует историк Роберт Траба) помещен интересный очерк Мартина Дембицкого «Калининградский анклав и польско-калининградское соседство в общественно-исторической перспективе» (2008, № 43). Автор, характеризуя новые государственные пограничья Польши после периода перемен, пишет:

„Каким образом двумя-тремя словами описать место, примыкающее с севера к Варминско-Мазурскому воеводству? Проще всего было бы обратиться к коннотациям типа «Путин», «Россия», «Пилавский пролив», «янтарь» или «ракеты среднего радиуса»; возможно, для более углубленных в историю, «Сталин» и «Восточная Пруссия». Так или иначе — это апелляции к природным факторам либо к более или менее отдаленному прошлому. В то же время заметна нехватка значимых символов, связанных с жизнью обычного человека, а также знаний (хотя бы расхожих, обиходных — как ни назови), основанных на современной калининградской действительности. (...) При этом описываемый здесь российский анклав среди поляков вызывает интерес только у политиков, ученых (...) и едва ли еще у кого-нибудь. (...) Польско-калининградское соседство, понимаемое в чисто административных категориях, создано в известной мере случайно после II Мировой войны. Но существенными были — и до сих пор остаются — последствия возникновения этого соседства и специфика самой границы”.

Дальше автор рассматривает транспортные трудности на границе, рисует картины запустения как пейзаж региона, рассматривает особенности геополитического положения Калининградской области, а также ее туристическую привлекательность и специфическое, сформированное за последние десятилетия, локальное самосознание ее жителей. В заключение статьи мы читаем:

«Резюмируя приведенные рассуждения, можно утверждать, что Калининградская область, рассматриваемая под разными углами зрения, все еще дрейфует, с каждым движением «ударяясь» о свое нынешнее или имевшее место в прошлом ближнее или дальнее окружение. Эти обстоятельства широким кругам в Польше неведомы, что укрепляет расхожее мнение, будто территория, с которой Польша соседствует на севере, серая и «грязная», а более пристальный интерес к ней

возникает лишь в связи с политическими завихрениями в отношениях Польши и Российской Федерации, жупел которых расположился как раз на территории анклава. Добавим, однако, что даже с учетом специфического положения области и действий, которые в «локальном контексте» предпринимаются (или не предпринимаются) в Москве, отчасти это еще и результат того, каким образом область представлена в СМИ, которые тиражируют весьма ограниченный ряд штампов: неразбериха на границе, последствия факта, что Калининград функционирует как «остров на балтийско-евросоюзском море», янтарь как компенсаторное местное благословение, а также военная база (исторически, но и сегодня — благодаря игре мускулами кремлевской администрации)».

И далее:

„Пограничья с социологической точки зрения иногда рассматриваются как своеобразные лаборатории, в которых ставятся опыты по формированию или переформированию типа отношений между соседствующими общностями. Это, безусловно, долгий процесс, не свободный от нежелательных явлений, но одновременно важно, чтобы и позитивный опыт имел шансы попасть в сферу людских впечатлений. В польско-калининградском случае, несмотря на наличие такой возможности, это довольно ограниченная перспектива, а в результате неиспользуемым остается важное достоинство пограничных территорий: то, что они могут быть первым этапом формирования отношений на общенациональном уровне. Жители Калининградской области, значительная часть которых довольно критически относится к властям Москвы, могли бы способствовать акцентированию иного, кроме политического, контекста восприятия современных польско-российских отношений, свидетельствуя, что поляки не так страшны, как их в Кремле малюют, даже если это только пропаганда. С пропагандой тоже надо суметь разобраться, так как она бывает основой долгоживущих негативных стереотипов. (...) Не нужно особой проницательности, чтобы начертать — а может, только вспомнить — потенциальные сценарии для этого региона: российско-евросоюзская лаборатория, испытательный полигон российско-немецкого сотрудничества или, наконец, погружение во всё большее забвение со стороны центральной администрации, которая, однако, с учетом наличия миллиона граждан со всё более заметными «безмосковскими» настроениями, может со временем привести к глубокому изменению сознания среди жителей анклава. Назвать перспективы много легче, чем

экстраполировать возможность наиболее реальных событий; однако Польша должна быть готова к разным решениям. В современном мире игнорировать одного из своих соседей — это больше чем ошибка. Все дальше в прошлое уходит время, когда реально существовал такой тип пограничья, где другая сторона была своего рода черной дырой, пусть действительностью, но принадлежащей иной реальности. Стоит напомнить (...), что Польша по преимуществу думает о [европейской] интеграции. Ориентация на Запад не должна оплачиваться невниманием (или вообще пренебрежением) к мнениям с Востока. И не стоит злоупотреблять аргументом, что польско-калининградские отношения — это «заложник» центральной политики. Очень многое можно сделать на локальном уровне, на основе живых человеческих связей, общественных устремлений, в кооперации с ними”.

Возможно, вновь окажется, что необходимо время от времени проходить большой путь — из Варшавы в Москву или из Москвы в Варшаву — не только шаг за шагом, но словно бы и кругным путем, через пограничные провинции. Но и это — путь.